РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 4 МАЙ 1901 ГОДА № 4

С ЧЕГО НАЧАТЬ?[1]

Вопрос «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление, старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, попрежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое «веяние», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле». Его последнее «программное» заявление—громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (номер 6 «Листка Раб. Дела») — особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы заигрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного осуждения «Раб. Мысли», «смягчали» плехановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием, — а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!) политического характера» и проч., и т. п., и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже в первом номере «Искры» программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Раб. Дело», конечно, приемлет всуе. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа» — более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику»! Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос — о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня — вопрос о терроре. Не странно ли слышать, как люди, до такой степени не помнящие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно об'являем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «простонародья» рвутся к борьбе,

а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи единственный залог нашего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент звать на такой штурм? «Раб. Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о нем при каждом «повороте» исторического хода событий, — должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «итти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной об'единить все силы и руководить движением не только по названию, но на самом деле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий так внушителен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только усвоить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима, — требуется выработать известный план организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон. В виду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре.

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета,— без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалась с такой силой, как теперь, потребность в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия местных листков, брошюр и пр. той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилом того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем об'единить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, — будет утопией мысль об об'единении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И первым шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение, должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно политическая газета. Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее названия политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина—та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это — революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; такой трибуной должна быть социал-демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов

и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, пред'являет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, — постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строются вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов* будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача — например поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь — посредством бойкота, травли, манифестации и т. п. — проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

В заключение — пару слов во избежание возможного недоразумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны итти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и, чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

[Н. Ленин]

* Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да и вообще весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к об'единению партии и которые — мы уверены — добьются этого об'единения не сегодня, так завтра, не в той, так в другой форме.

САМОДЕРЖАВИЕ И ФИНАНСЫ.

Покуда русская жандармерия, усердствуя в борьбе против крамолы переполняет тюрьмы, русское правительство само подтачивает основы абсолютизма. Центр этой разрушительной деятельности — министерство финансов.

Господин Витте недавно хвастался перед Европой тем, что в России нет парламента и что поэтому могущественное правительство может поступать по произволу, не считаясь ни с какой оппозицией. Но не считаясь с политической оппозицией, русское правительство тем более принуждено считаться — с настроением биржи. Какая зависимость более унизительна и более связывает: зависимость от избранных представителей народа или зависимость от фирмы Ротшильд и от французских банков. Подпись царя-самодержца не имеет на денежном рынке никакой силы, если она не подкреплена подписью потомков Мейера Амшеля Ротшильда.

А биржа именно потому и относится так недоверчиво к русскому правительству, что оно не подлежит никакому парламентскому контролю. Буржуазия Западной

Европы знает по собственному долгому опыту, что только отчетность перед парламентом может пролить полный свет на финансовое положение государства. Да и как, напр., немецким капиталистам доверять публикациям русского министерства финансов, когда они знают, что в Пруссии от 1821 до 1848 г. на-ряду с публиковавшимися бюджетами существовали тайные, разнившиеся от первых на многие миллионы! Ведь даже от каждого акционерного общества требуется публичная отчетность: оно обязано публиковать свой баланс, его правление стоит под контролем избранного комитета и т. д., — так как же не требовать контроля над финансами государства, оперирующего тысячами миллионов, имеющего самые многоразличные, количественно легко поддающиеся изменениям источники доходов и расходов? Потому и не доверяют.

Эту связь между кредитоспособностью государства и парламентаризмом нашему правительству не раз приходилось чувствовать. Наглядный пример — денежная реформа. Лет 15, начиная с 1884 г., казна копила золото. Всякими правдами и неправдами собрала она большую сумму, воспользовавшись в особенности французскими конверсиями. Затем перечеканили монету, сделав из двух полуимпериалов три, иначе говоря, об'явили банкротство: платили за рубль 66 коп. Увеличив номинальную стоимость золотой монеты, нетрудно было уничтожать кредитные билеты, которых и так был большой излишек. И вот, наконец, было достигнуто громадное покрытие кредитных билетов золотом. К концу 1897 г. в казначействе и Государственном банке было 1.315 милл. рублей, а кредитных билетов было в обращении всего 930 милл. Положение, казалось бы, чрезвычайно солидное. В Германии, Франции, даже в Англии соотношение между запасом золота и обращением кредитных билетов гораздо менее благоприятно. Но как только был введен обязательный обмен на золото, золото стало исчезать из Государственного банка. Течет золото, как из дыры в мешке, и ничем его нельзя удержать. Начиная с 1897 г. уничтожили на 369 милл. рублей кредитных билетов, а золота ушло из Государственного банка около 600 милл., если даже не считать золота, приобретенного за это время правительством. Запас золота к 16 января 1901 г. был всего только 738 милл., т. е. он был уже почти на 170 милл. меньше, чем осенью 1892 г. во время страшного голода. Если считать на старую валюту, то у нас уже опять образовался долг по кредитным билетам в 140 миллионов, т. е. столько выпущено бумажек без покрытия золотом. А золото все уходит, целыми вагонами увозят его за границу. Понятно поэтому, что сам Витте стал сильно беспокоиться, до того даже, что заявляет об этом публично. В своем докладе о росписи государственных доходов и расходов на 1901 г. он свидетельствует, что это «неблагоприятный факт, заслуживающий серьезного внимания». Чтобы об'яснить такое явление, он ссылается на общие причины стеснения денежного рынка. Но не об'яснил он вот чего: в то время, как в других государствах уменьшению золотого запаса эмиссионных банков, т. е. увеличению количества золота в обращении, соответствует увеличению обращения банковых знаков, что вполне понятно, раз общая потребность в деньгах увеличилась, у нас как раз наоборот — золото уходит, а кредитки возвращаются в банк. Несмотря на то, что количество кредитных билетов против прежнего уменьшено на полмиллиона, в кассе Государственного банка накопляется кредитных рублей больше, чем когда бы то ни было. В настоящее время от 10 до 20 проц. всех кредитных рублей находятся в кассах Государственного банка, количество до монетной реформы совершенно небывалое. Значит, публика требует не просто денег, а требует — золота.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают».

По словам «Раб. Дела», переживаемый нами «исторический момент выдвинул также перед нашей партией совершенно новый (курсив наш) вопрос. Выстрелы Карповича и Лаговского и сочувствие, которое они встретили в рядах молодежи и всех (?) революционных элементов, ясно показывают, что белый террор царского правительства снова, с неотвратимой силой закона природы, создает почву для красного террора революционеров». «Рабочее Дело», в виду этого, приглашает «наши партийные организации» сообща решить вопрос о своем отношении к террору.

Вопрос о терроре, столь «новый» для «Раб. Дела», далеко не нов для русской социал-демократии.

В начале 80-х годов громадное большинство русских революционеров было уверено в том, что политическая борьба в России возможна только в виде террористической борьбы заговорщической партии. На чем была основана эта уверенность? На неудаче предшествовавших попыток русских революционеров вызвать широкое революционное движение народа помощью пропаганды и агитации в его среде. Мы знаем теперь, что было причиной этой неудачи. Те народные массы, к которым обращались революционеры семидесятых годов (крестьянская масса), не представляли собой силы, способной на революционную борьбу с существующим строем. Тот же класс, который такой силой мог стать — пролетариат, был еще слишком незрел, а программа русских революционеров того времени не позволяла использовать и той степени революционного развития, которую пролетариат уже достиг. С другой стороны, движение либеральных слоев «общества» тогда, как и теперь, не могло вообще представить самостоятельной революционной силы. Поэтому революционная партия естественно склонялась к мысли о совершении политической революции собственными силами, помощью единственно доступного кучке заговорщиков средства — политического террора. По мысли революционеров того времени, систематический террор должен был расстроить правительственную организацию (дезорганизовать правительство), ослабить обаяние его власти в глазах недовольных, но неспособных к революционному движению слоев населения, запугать правительство и принудить его к уступкам. Само собой разумеется, что эта цель могла быть достигнута тем легче, чем более проявлялось бы в резких формах недовольство разных слоев населения. Поэтому народовольцы очень ценили всякое общественное движение и особенно надеялись на движение рабочих. Но во всяком таком проявлении общественного движения масс они видели только вспомогатель-

Цель монетной реформы — обеспечить денежное обращение кредитных билетов по установленному курсу; между тем оказывается, что золотой размен вообще вытесняет кредитки из обращения. Конечно, банк старается пустить бумажки опять в ход, а они возвращаются обратно в обмен на золото — в публике становится золота все больше, в банке все меньше. Если не задержать этого процесса, то, очевидно, золото из банка совершенно исчезнет. Весь расчет правительства был в том, что в России, как и в других странах, установится определенное соотношение между количеством золота и количеством кредиток в обращении; запас золота нужен был бы тогда только для того, чтобы покрывать временные отклонения от нормы. Почему же в России эффект получается совсем другой? Да потому, что в денежном обращении кредитных билетов важен момент доверия, а так как доверие к финансовым операциям русского правительства равняется нулю, то и оказывается тенденция свести находящиеся в обращении кредитные билеты на нуль. Золото в руках — это обеспечение, кредитные же билеты — вексель на правительство, а векселю какая цена? Сегодня рубль за рубль, а завтра, по указу его императорского величества, которому не приходится считаться с парламентарной оппозицией, за рубль полтину! Удивительно ли после этого, что купцы предпочитают золото?

Положение министерства финансов чрезвычайно затруднительное. Введя золотую валюту, оно приняло на себя обязательства перед Европой. Отменить теперь золотой размен значит окончательно погубить кредит. А не отменить, — где взять золото? Нужен заграничный заем. А так как новый заем до крайности необходим, то г. Витте в своем докладе с необыкновенным много- и пустословием распространяется о том, что занимать деньги не следует. Кому это он пыль в глаза пускает, неизвестно, может быть, Николаю II, но только европейскую публику ему на этот раз обмануть не удалось. Западно-европейские газеты в течение прошлого лета неоднократно сообщали о неудачных попытках русского министерства финансов заключить заем. Известно, что Витте с этой целью ездил два раза в Париж, а его финансовый агент Ротштейн—за тем же в Нью-Иорк. Увы, напрасно! Банки ставят невозможные условия. Но если уже и французский денежный рынок закрывается перед царским правительством, так куда же броситься? Лондонская биржа уже давно держит себя в стороне от русских займов, берлинская закрылась в 80-х годах и затем, хотя небольшими количествами и покупает русские займы, но в общем воспользовалась конверсиями, чтобы сплавить русские ценности в Париж. Так где же взять золота?

А заем нужен, ой, как нужен! Без займа, вместо того, чтобы пополнить кассы банка, казначейство само тащит из него золото. Текущий счет казначейства в Государственном банке уменьшился против прошлого года более чем на 250 милл. рублей. Обыкновенно банковый счет казначейства в начале года — приблизительно до конца февраля — увеличивается, а теперь он уже с середины января идет на понижение: 8 января было $307^1/_2$ милл. рублей, 16-го уже только 291, против прошлого года на 266 милл. меньше. Таможенный доход понизился, сахарный тоже. А главное, доход питейный и от винной монополии находятся в очень сомнительном положении. Хотя выручка вина против прошлого года к 1 декабря 1900 г. была выше всего на миллион ведер, но спиртных запасов было больше на 7 милл. ведер,— значит, застой в продаже вина. А между тем кабацкий доход — главная опора русского бюджета. Но как же потреблению водки не уменьшиться, когда по деревням голод? Однако же, несмотря на голод, с мужиков по-

---

ную силу, способную усилить дезорганизацию правительства, главные же удары его организации должна была наносить заговорщическая борьба, в которой террор был главным средством.

Надежды террористов, как известно, не оправдались, и революционная мысль должна была вернуться к идее народного движения, как единственной силы, способной сломить организованную силу государства. Но это не было простым возвращением к народническим идеям 70-х годов. Подвергнув критическому пересмотру все основания народнической и народовольческой программы, революционная мысль в лице группы «Освоб. Труда» нашла основной рычаг революционного развития в процессе развития классовых противоречий и вызываемой ими классовой борьбы и основную силу русской революции — в пролетариате, в единственном классе, способном создать общенародное политическое движение и повести успешную борьбу за политическую свободу и социализм.

Русская социал-демократия выросла и развилась в борьбе с тем направлением русской социально-революционной мысли, для которой всякая политическая борьба в России сводилась к террору. Как удивились бы, узнав о «новизне» вопроса о терроре для социал-демократов «Раб. Дела» те народовольцы 80-х и 90-х годов, которые на почве именно этого вопроса остались за флагом в борьбе с русскими социал-демократами! Как посмеются, узнав об этой «новизне», те петербургские рабочие, которые в начале 90-х годов выработали свое политическое мировоззрение в борьбе с народовольческим направлением, в борьбе, практический смысл которой сводился к вопросу: террор или политическое движение пролетариата?

В то время, как народовольцы не видели в России других средств активной политической борьбы, кроме террора, применяемого заговорщической партией, социал-демократы доказывали, что, развивая и организуя классовую борьбу пролетариата, они содействуют выработке из него такой политической силы, которая в известный момент сможет рядом активных нападений на государственный строй расшатать его и вынудить или взять с боя уступки народным требованиям.

Первая часть поставленной себе социал-демократами задачи была выполнена. Широкой волной разлилось по России рабочее движение, идеи классовой борьбы проникли во все слои пролетариата, социал-демократия стала единственной сильной революционной партией, от старых революционных направлений не осталось почти и следа. И что же? В тот самый момент, когда ей предстояло, повидимому, перейти к организации систематической активной политической борьбы с существующим строем, — в этот самый момент в среде русских социалистов, в том числе и среди рабочих, вновь возникают симпатии

дати выколачивали: с удельных еще к 1 ноября собрали больше годового оклада, с государственных—больше девяти десятых оклада, а с бывших помещичьих—три четверти. Высасыванием последних соков из мужика, спаиванием народа да хищническим хозяйством на железных дорогах только еще и пополняют кассы казначейства.

Да и то наличных денег давно уже не хватает. Остаются невыполненными из года в год сметные назначения обыкновенного бюджета. От 1 января по 1 ноября 1900 г. было истрачено 120 милл. рублей по сметным назначениям прежних лет, а по чрезвычайному бюджету 63 милл. А так как к 1 января 1900 г. было по крайней мере на 300 милл. рублей остатков, то, следовательно, еще и после 1 ноября 1900 г. осталось невыполненных расходов по назначениям от 1 января 1899 г. и предыдущих лет 117 миллионов! Сколько осталось невыполненным из бюджета 1900 г., неизвестно, но, судя по всему, наверное не мало. К тому же были экстренные, неожиданные расходы. Витте отчисляет на покрытие расходов, вызванных на Дальнем Востоке, 62 милл. рублей. Однако же он сам заявляет, что этим далеко не исчерпываются понесенные потери. Сумма поставлена маленькая, чтобы не отягчать бюджета. Но платить-то ведь все-таки придется! Между тем военные расходы еще не закончены, они продолжаются и теперь, и сумма их растет со дня на день. А сколько растеряно да разграблено вследствие приостановки в постройке сибирской железной дороги! Вообще на постройку этой дороги больше денег нет. В прошлом году на сооружение дороги и на покупку подвижного материала ассигновано было 70 милл. рублей, а в нынешнем—10! А тут еще голод в Сибири, дороговизна на хлеб! Голод вообще требует от правительства затрат. Дать умереть мужикам, с кого же после этого подати брать? Сейчас $5^1/_2$ милл. ассигновали. А как-то еще к весне будет?

В прошлом году, от конца февраля до начала октября, банковый счет казначейства понизился на 230 милл. Если в нынешнем году повторится то же самое, то от денежных запасов казначейства в банке останутся каких-нибудь 50 или 60 миллионов. Вместе с тем это увеличит отлив золота из Государственного банка. Золотой размен связал казначейство с Государственным банком неразрывными узами, и вот общими усилиями готовится двойной кризис: финансовый и денежный!

Разве только опять удастся сделать заем! Уже много лет главная опора русского самодержавия — республиканская французская буржуазия. Допустим, что и на этот раз удастся вывернуться, но все же положение становится все более затруднительным. Если сосчитать чистые государственные расходы России, то почти треть из них уходит на уплату процентов по займам. 275 милл. рублей в год платежей по займам! Перед этим все остальное отодвинется на задний план, остаются невыполненными самые насущные государственные потребности, уж не говоря о культурных задачах. Куда же это ведет? Ответ дает—Турция. Парламентаризм или политическое разложение и рабство перед биржей — такова дилемма!

[Парвус]

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО.

В ном. 2 „Искры“ мы уже указали, что душой правительственных планов, направленных на полное упразднение земства, является министр финансов статс-секретарь Витте. В 1889 г. он выступил с обширной запиской, в которой, возражая против предложенного бывшим министром внутренних дел Горемыкиным введения земских учреждений в Западном крае, доказывает, что сохранение сколько-нибудь независимого местного самоуправле-

---

к террору как орудию политической борьбы, и для многих социал-демократов вопрос о терроре выплывает как «совершенно новый» вопрос. Где кроется причина этого странного явления?

Ее не трудно увидеть. Рост террористических стремлений в русском революционном движении последних лет идет параллельно с тем упадком революционного настроения русской социал-демократии, который замечается с 1898 г., по мере развития в ней «экономического» направления и «критики марксизма». Социал-демократическое движение, уже достигшее той высоты развития, на которой оно пыталось сложиться в политическую партию с определенной политической задачей ближайшего будущего, начинает видимо падать, размениваться на частности. На место веры в близость решительной битвы с самодержавием выступает уверенность в том, что для очень долгого периода деятельность борцов рабочего движения может сводиться только к будничной борьбе за частичные улучшения положения рабочего класса, на место убеждения в первенствующей роли, которую русский пролетариат должен играть в общенародной борьбе с самодержавием, становится молчаливое признание того, что пролетариат может только своей чисто экономической борьбой расшатать существующий строй, производить в нем более или менее значительный «беспорядок», активно же работать над его преобразованием должно либеральное «общество». Это убеждение легло в основу программы известного «credo», программы, которая далеко не является таким продуктом недомыслия отдельных лиц, каким его хотело представить «Раб. Дело», но выражает наиболее резко логические выводы из взглядов, ставших популярными среди очень многих товарищей. Исключительно-экономическая практика соц.-демократов обусловливает перенос политических задач современности на либеральную интеллигенцию (см. Аксельрод, Письмо в ред. «Раб. Дела»).

Но не всем дано принизить свое политическое мировоззрение до веры в революционные способности русского либерализма. Те, кто не мог возложить все свои политические надежды на либеральное общество, те революционеры, которые неспособны были самодовольно углубиться в агитацию по поводу «копейки на рубль», но которые в то же время заразились модным недоверием к политическим способностям русского рабочего класса, должны были искать выхода в прежней революционной программе — программе борьбы с самодержавием путем заговора, т. е. в терроре.

Вот почему «новый» для «Раб. Дела» вопрос о терроре представляет для нас тот старый вопрос, о котором велся спор русской социал-демократией лет десять и более тому назад, вопрос о том, «кто совершит политическую революцию в России?» — революционная ли

ния несовместимо с поддержанием самодержавия. Земство должно быть либо прямо упразднено, либо совершенно подчинено бюрократии. Земству, — развивает г. Витте, — необходимо присуще стремление получить политическое значение, из органа местного хозяйственного самоуправления стать независимым и равноправным с монархом органом государственной власти. Другими словами, земство есть зародыш народного представительства, конституции. Этот зародыш очень слаб, еле заметен, но в нем таятся зачатки опасного для самодержавия будущего, и потому земство подлежит политической казни. Г. Витте оставляет неясным, желает ли он прямо отсечь голову земству или готовить ему медленную смерть, но во всяком случае земство должно пасть. Ясно, что ненавистно в земстве таким представителям самодержавной бюрократии, как Витте. Ненавистна им его независимость, теперь скрытая или дающая себя знать в неопасных для самодержавия мелочах, но в критический момент могущая прорваться сразу и найти себе в земских учреждениях организованное орудие.

Любопытно и в высшей степени знаменательно, с каким вниманием верховные стражи самодержавной бюрократии ловят каждое проявление земской независимости, как тщательно они доискиваются политического смысла в каждом, даже самом робком, шаге и заявлении земских людей. В этом внимании выражается у одних ясное сознание, у других смутное, еще безотчетное чувство, что пышное здание бюрократического произвола подточено изнутри, что самодержавная бюрократия исчерпала свои силы и исполнила все свои исторические задачи; что для того, чтобы сохранить свою позицию, ей нужно быть всегда на-чеку. Исторические силы, враждебные самодержавной бюрократии, настолько выросли, что стоит представителям ее зазеваться, для того чтобы потерять равновесие и начать катиться по наклонной плоскости к месту, на котором явственно начертана зловещая надпись: конституция.

Для характеристики этого положения вещей мы приведем из записки Витте некоторые места, посвященные уяснению политической роли преобразованного по положению 1890 г. земства. Конституционные стремления земства, как известно, выразились более или менее ярко в эпоху народовольческого террора, в конце 70-х и начале 80-х годов. Охарактеризовав земскую агитацию этой эпохи и выяснив ее значение, г. Витте ставит вопрос: исчезла ли с изданием положения 1890 г. политическая тенденция земств, их стремление к участию в законодательной деятельности? Отвечая на этот вопрос, г. Витте напоминает об «адресах, поданных по случаю восшествия на престол благополучно царствующего государя императора, адресах, в которых довольно ясно сказалось прежнее, но затаенное ныне стремление земства выйти из сферы местных дел, ему предоставленных». «Все адреса, поданные земствами в 1894 — 95 гг., не были результатом случайного увлечения мимолетной идеей, они были прямым следствием удобного, по их мнению, момента для выражения все той же мысли земцев о необходимости добиться участия в законодательстве и центральном управлении. Эта мысль, несомненно, не умерла еще в среде земской и поныне, да по самой природе вещей и не может умереть». Красноречивое указание на это, — по словам г. Витте, — имеется во всеподданнейших отчетах тверского губернатора, который указал, что «борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество“ (sic!) для выполнения конфиденциальных циркуляров мин. внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». Г. Витте решительно отвергает заверения мин. внутрен-

---

интеллигенция с ее активным орудием борьбы — террором и ее пассивными вспомогательными силами — либеральной оппозицией и бессистемными «беспорядками» народных масс или же революционный пролетариат, ведущий политическую борьбу под знаменем социал-демократии, организующий, осмысливающий и об‘единяющий все помимо него бессильные движения протеста разных слоев народа?

Нам скажут, что никто из современных террористов не ставит именно так вопроса, что сторонники террора смотрят на себя только как на застрельщиков общенародного движения и, лишь опираясь на последнее, надеются достигнуть путем террора победы над правительством (см. брошюру «Свобода», изданную в 1900 г. «Рабочей партией политического освобождения России» или «Наши задачи» «Союза социалистов-революционеров»).

На это мы отвечаем, что не иначе ставила вопрос о терроре и партия «Народной Воли», что не мешало ее террору в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле отрицанием всякого народного движения. По мысли террористов, террористическая борьба есть только одно из орудий низвержения самодержавия, но примененное на деле это орудие неизбежно препятствует развитию того самого народного движения, которое и террористы считают необходимым.

Чтобы быть успешным, политическое движение народных масс должно совершаться под руководством строго-организованной, сплоченной и деятельной революционной партии. Наиболее активные, энергичные, самоотверженные люди уходят из области пропагандистско-агитационной и организационной деятельности, замыкаются в тесном кругу террористической организации и, покидая остальную массу революционных сил, способствуют ослаблению среди них интереса к будничной, не блестящей работе среди народа. Требуя страшного напряжения революционной энергии, террористическая борьба быстро истощает силы революционнной партии. Наконец, террор обладает свойством вызывать подражание и под влиянием производимого им впечатления в самом рабочем движении должна развиваться бунтарски-террористическая струя в форме бессистемных убийств всякого рода врагов рабочего движения вплоть до мастеров и фабрикантов.

Значит ли это, что мы всегда и вообще безусловные противники террора? Отнюдь нет. Еще в проекте программы группы «Освоб. Труда» (1885 г.) было сказано, что в момент решительной борьбы с самодержавием рабочая партия прибегнет ко всем пригодным средствам, а в случае надобности не остановится и перед террором. Этот момент решительного нападения на самодержавие будет дан целым рядом совпавших условий, из которых имеющие самое решительное значение не зависят от воли каких-либо организованных сил. В 1897 г. П. Б. Аксельрод, говоря об этом в «Ответе» молодым

них дел, будто после земского положения 1890 г. «исчез даже призрак политических стремлений». «Политическая тенденция, — заявляет г. Витте, — с основания земских учреждений до самого последнего времени то подавлялась, то снова воскресала, но несомненно, что ею отмечена 35-летняя история нашего земства». Министр финансов смеется над утверждением г. Горемыкина, будто «все конституционные стремления земств сводились к пустой шумливой оппозиции губернскому начальству нескольких крикунов и политиканов в немногих уездах». Это говорится либо неискренно, либо по незнакомству с «разнородным и богатым секретным материалом, который имеется в делах министерства внутренних дел». Если даже просто подсчитать все те земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущении их к участию в законодательстве, то получится не несколько уездов, а не менее половины всех земских губерний. Но если ознакомиться с содержанием ходатайств и принять во внимание, при каких условиях и какими мерами предотвращались подобные же заявления в других губерниях, то станет довольно ясно, что земское движение в пользу земского собора много серьезней «пустой, шумливой оппозиции губернскому начальству». «Во главе движения шли, конечно, вожаки („крикуны и политиканы", как их характеризует министр внутренних дел), но если за этими „политиканами" так дружно шло огромное большинство самых благородных, самых благонамеренных земцев, то не служит ли уже одно это доказательством, что в самой постановке земского дела что-то неладно, что в нем есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоответствие всему государственному строю, и что надо серьезно подумать, прежде чем переносить земские учреждения на обильные всякими политическими брожениями окраины». «Движение, проявившееся в земствах после введения в действие закона 1890 г.», являясь «более мягким по внешней форме», «по внутреннему своему содержанию» представляется г. Витте «более знаменательным, чем даже резкое движение 1879—1883 гг.». Г. министр финансов указывает на то, что «законом 1890 г. земству дана сословная окраска, усилен в собраниях правительственный элемент, что в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадуматься» (курсив наш).

Да, над этим следует призадуматься и нам, решительным противникам самодержавия. Сыск о политической неблагонадежности земства, ежедневно, так сказать, по обязанностям службы, практикуемой министром внутренних дел и его слугами—губернаторами, и тот же сыск, единовременно произведенный с затратой «ученого аппарата» министром финансов в об'емистой записке, доказывает неопровержимо, что правительство боится и вынуждено бояться всякой, даже самой умеренной и еле заметной оппозиции. Этот страх с поразительной ясностью обнаруживает внутреннюю слабость самодержавно-бюрократического произвола, гнетущего Россию. А те меры, которые самодержавной бюрократии подсказывает этот страх, меры окончательного упразднения всякой тени общественной самодеятельности даже имущих классов, изобличают и для самого слепого взора всю отвратительную гнусность этого отжившего режима.

Что из этого следует?

Наш первейший и злейший враг — самодержавие сильно только своим физическим и техническим превосходством над нами. Но оно поражено неизлечимой

товарищам, высказал следующие мысли, на которые мы советуем обратить самое серьезное внимание наших читателей.

«У нас упускают из виду, что окончательный удар враждебному режиму наносят чаще всего силы и события, лежащие вне власти действующей партии. Голод, эпидемия, сильный экономический кризис, внешняя война и финансовая несостоятельность—вот что чаще всего наносит реакции последний удар. Но для того, чтобы революционные элементы могли воспользоваться критическим моментом в жизни самодержавного государства, борьба их с абсолютизмом должна представлять собою процесс выработки общественных сил, которые сумели бы в этот момент сознательно и энергично отстаивать демократическую конституцию. Подготовить же эту силу возможно только путем энергичной и неустанной пропагандистской и организационно-организаторской деятельности среди рабочих. Только таким образом может образоваться рабочая организация, которая, благодаря своему тесному союзу с революционной интеллигенцией, с одной стороны, и глубоким корням в крестьянско-рабочей массе—с другой,—быстро сумеет выступить руководительницей последней для обеспечения народу возможно более широких политических прав».

Но чтобы ко времени такого политического кризиса быть готовой к решительной атаке против царизма, социал-демократия должна неустанно развивать политическую деятельность рабочего класса, упражнять его политические способности в постоянной борьбе с существующим строем на почве каждого отдельного проявления произвола и гнета, должна не в собственном только представлении, а в сознании всех недовольных элементов стать передовым отрядом движения, от которого не один рабочий класс, но и все остальные недовольные классы ждут сигнала к решительной атаке и от которого все они охотно принимают данный ей для этой атаки лозунг ближайших требований. И вот, когда социал-демократия достигла такого значения, когда она, ведя за собой все недовольные общественные элементы, подает сигнал к такой общей атаке на царизм, тогда она в выборе средств для этой атаки будет руководствоваться исключительно соображениями целесообразности, и в случае, если найдет нужным, применит и террор, как, может быть, прибегнет к вооруженным восстаниям. А чтобы быть в состоянии определить, настал ли такой решительный момент, чтобы иметь право взять на свою ответственность применение и пропаганду таких крайних революционных приемов борьбы, — для этого социал-демократия должна иметь единую волю, должна уметь передать эту волю всем под ее влиянием находящимся общественным силам, следовательно, опять-таки должна подчинить своему влиянию все недовольные настоящим общественные силы. А все это предполагает существование крепкой и в постоянной

внутренней слабостью и осуждено на смерть своей собственной гнусностью. Что будет с самодержавием, когда перед ним окажется не только «мягкая» оппозиция «сословно-бюрократического земства», но встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся «железная поступь» собравшихся по ее зову русских рабочих батальонов? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы «мягкие» речи и скажите приличествующее случаю резкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дело не станет.

Долой самодержавную бюрократию!

[П. Струве]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Студенческие волнения. — Назначение Ванновского. После выстрела Карповича и уличных демонстраций правительство заговорило со студентами по-новому. Действие «временных правил» приостановлено, и на место убитого Боголепова приглашен ген. Ванновский. В рескрипте, данном на его имя, перепуганный царь говорит о необходимости вложить «сердечное попечение» в дело воспитания юношества. Сердечное попечение — это можно! — отвечает вымуштрованный генерал и тотчас же отдает «приказ» по своему ведомству: чтобы в 24 часа все прониклись сердечным попечением!

Российские газеты не замедлили возликовать по случаю этих «сердечных» фраз. Возликовали одновременно и либеральные газеты и органы мракобесия. Первые ликуют и об'ясняют: сердечное попечение — это означает ослабление казарменного режима в университетах, отмену «временных правил», дарование студентам и профессорам свободы самоуправления. Реакционные газеты ликуют и возражают: сердечное попечение — это значит: ограждение студентов от тлетворного влияния разных лжеучений и собственных увлечений, усиление отеческого надзора за студентами, воспитание юношества в духе православия и самодержавия, избавление университета от разночинской бедноты, вносящей в среду благовоспитанной молодежи семена грубых чувств недовольства... И обе стороны обличают друг друга в ложном толковании прекрасных слов «возлюбленного монарха».

Которая же сторона права и чего следует ожидать от «сердечного попечения» ген. Ванновского?

В свое время ген. Ванновский в должности военного министра заместил либерального Милютина и совершил «коренную реформу» военно-учебных заведений, которые при его предшественнике заразились «свободным духом». Военные гимназии были заменены кадетскими корпусами, военная молодежь была «подтянута» и офицерство «очищено» от всяких порядочных элементов. В 80-х годах Ванновский был достойным соратником Победоносцева, Д. Толстого и Делянова.

В 1899 г. Ванновский был назначен председателем Особого Совещания для расследования дела о студенческих беспорядках. Доклад, представленный Ванновским царю о результатах расследования, издан за границей «Раб. Знаменем». Надо признать, что в этом докладе дана чрезвычайно беспристрастная картина беспорядков, как она могла отразиться в генеральском мозгу. В числе «общих причин беспорядков» генерал отметил «разобщенность студентов между собой», т. е. отсутствие права сходок и союзов, отметил «недостатки университетского устава 1884 г.», но тут же отметил и «переполнение университетов», о котором так вопят «Моск. Вед.», и «отсутствие надзора за молодежью» (все еще мало!) и «недостаточную осмотрительность при выборе профессоров, в числе которых попадаются люди лжелиберального направления». Правительство не замедлило принять во внимание те заключения из доклада ген. Ванновского, которые совпадали с его собственными видами, и тотчас же усилило инспекцию, удалило десятки профессоров и приняло меры к прекращению «переполнения» университетов.

На помощь Ванновскому назначен сенатор Мещанинов, бывший до сих пор главным начальником тюремного управления. Это как нельзя более целесообразно: если водворять в просвещении «порядок» призван боевой гене-

---

политической борьбе развившейся организации, вполне спевшейся с теми массами, среди которых она ведет свою повседневную агитацию.

При таких условиях систематический террор, примененный в момент революционного кризиса, был бы проявлением достигшей высшего напряжения революционной энергии того общественного движения, во главе которого сумели стать социал-демократы.

Не то мы видим теперь. Радостное чувство, с которым встретили выстрел Карповича многие революционные и оппозиционные элементы, просто констатировало общее недоверие к способности представительницы рабочего класса — социал-демократии — стать теперь застрельщицей и передовым отрядом современного общественного движения. Поэтому, если бы выстрел Карповича послужил исходным пунктом для нового похода русских революционеров, этот поход был бы признанием отсутствия в рабочем классе той степени революционности и сознательности, которая сделала бы его способным стать во главе общественного движения.

«Раб. Дело» право, говоря, что белый террор правительства создает почву для красного террора революционеров. Но сила, создающая этот террор, вовсе не «неотвратима», как выражается „Раб. Дело"; она, напротив, может быть отвращена, но отвращена только активной работой социал-демократов над созданием действительно-революционного и сознательно-политического движения пролетариата. Последний, заняв подобающее ему место в рядах активных борцов против самодержавия, придаст им именно ту силу, которая излечит их от традиционной веры в террор, как главнейшее средство политической борьбы в России.

В этом отношении политический кризис последних месяцев застал наше движение врасплох. А потому для тех социал-демократов, которые никогда не теряли уверенности в исторической задаче русского пролетариата, «совершенно новый вопрос», выдвигаемый последними событиями, принимает такой вид: «Что делать для того, чтобы организовать пролетариат в политическую силу, которую каждый новый кризис застанет в состоянии боевой готовности?»

«Раб. Дело», повидимому, очень просто решило этот вопрос. Оно рекомендует «переменить в 24 часа тактику» и для начала в 24 часа выбросило за борт всю ту политическую мудрость, которую проповедывало в течение всего своего существования. Но, как и следовало ожидать, оно в новой позиции проявило те же легкомыслие и неосновательность, которыми отличалось при прежней своей тактике. Лозунгом старой тактики было «медленным шагом, робким зигзагом тише вперед!» через отдельные «стадии» борьбы, сначала за мелкие экономические требования, потом за отдельные политические права и — по получении оных —

рал, то в помощники ему всего более годится тюремщик.

Новые «умиротворители» начали с попытки провести студентов красивыми словами. В подражание Витте и Ковалевскому, которые этим приемом ухитрились на некоторое время задержать ход волнений в учебных заведениях их ведомства, они созвали официальную сходку для решения вопроса: быть или не быть забастовке. Расчет простой: на такой сходке явятся все трусы и золотая молодежь, отсутствовавшая на «тайных» сходках, и их голоса дадут перевес в пользу «благоразумного» решения. Но после битвы 4 марта и этот маневр мог помочь. Студенты решили не приступать к экзаменам до осени, чтобы дождаться возвращения товарищей, отданных в солдаты. На это решение, продиктованное чувством товарищеской солидарности, «сердечное попечение» Ванновского ответило отказом отложить экзамены. Студенты порешили экзаменов не держать. Новое министерство село в лужу. Не помогли и гнусные речи газет («СПБ. Ведомости»), старавшихся внести в студенческую среду раскол увещаниями не мешать министерству в предпринимаемой им реформе, не затруднять его положение радикальными и необдуманными решениями и т. п.

Очень, очень боимся, что политика «сердечного попечения» ничего, кроме нового срама, не принесет русскому правительству.

——

Западная Сибирь. Петербургская бойня, «временные правила», массовые ссылки и вообще всякие репрессии правительства кнута и нагайки вызвали возмущение и протест даже в глухих сибирских городах. В Екатеринбурге забастовка женской фельдшерской школы, горного училища; сходки почти не прекращаются, возмущение растет. В Иркутске закрыта семинария. В Томске в мае 1900 г. у двух гимназистов найдены были запрещенные книжки; при допросах они сказали, что книжки получены от одного бывшего студента. В виде наказания этот студент посажен теперь на месяц в тюрьму. В ноябре или декабре 1900 г. воспитанники семинарии, измученные поповским гнетом, ужасным режимом, постоянными выключениями товарищей из заведения, выключениями за чтение книжек, не нравящихся ректору, за подозрительные знакомства и т. п., расклеили по городу прокламации, взывающие за помощью к обществу, за спасением от шпионов попов. Перепуганные попы во главе со здешним слабоумным епископом Макарием дали знать в Петербург. Из Петербурга пришла ревизия и производила дознание. Виновных не нашли, но строгости увеличились. В последних числах февраля 1900 г. были произведены обыски у рабочих, главным образом, у типографщиков. Обыскали чел. 12—13, взято двое, многих рабочих таскают на допросы и стараются установить связи с интеллигенцией. Причина обысков, как говорят, кроется в сильном распространении в последнее время среди рабочих нелегальной рабочей литературы. Уже давно в здешнем университете и технологическом институте после известий из Киева о волнениях среди студентов началось брожение. Были сходки, но студенты, стоявшие за забастовку, были в меньшинстве. После же правительственного сообщения от 4 марта студенты поднялись. 7 марта на сходке технологи единодушно порешили забастовать, и 8 марта ни один технолог не явился на лекции. Институт был закрыт до 12 марта, восемь человек было исключено без права поступления, а остальные с правом подавать прошения до 12-го. Наступило 12-ое. Прошений никто не подал, и институт закрыт теперь на неопределенное время. В университете, начиная с 8 марта, беспрерывно шли сходки. Настроение под влиянием постоянно получавшихся сведений из других университетских городов и особенно из Питера, делалось все более возбужденным, и количество студентов, стоящих за забастовку, все увеличивалось. 10 марта на общей сходке студентов и технологов, после прочтения бюллетеней из Питера, было решено выразить протест правительству за его гнусные деяния в форме уличной манифестации. 11 марта, в 4 часа дня, студенты и технологи в количестве 250 чел. собрались за городом, где после нескольких речей, тесно сомкнувшись, с пением революционных песен двинулись на главные улицы города. Чем дальше они двигались, тем больше росла толпа. При входе на главную улицу к ним присоединилось сто человек рабочих, много семинаристов, курсисток повивального института и масса людей разного положения. Шествие продолжалось 2½ часа с остановками, во время которых говорились речи и раздавались проклама-

---

за конституцию. Теперь все «стадии» полетели за борт, всем русским рабочим, в какой бы «стадии» они ни находились, рекомендуется требовать Земского Собора и, выставляя эти требования, совершать манифестации во что бы то ни стало. На каждое насилие правительства отвечать насилием, арестованных освобождать! Кровь требует крови! (см. «Листок Союза Заграничн. Социал-Демократов» март, 1901 г.). Удивительный, поистине, «исторический поворот»! Когда представители так называемого «старого» направления в социал-демократии требовали, чтобы во главу политической агитации ставилось требование демократической конституции, тогда им самодовольно возражали, что это было бы «непрактично» и что это требование можно будет поставить только тогда, когда пролетариат пройдет школу борьбы за отдельные политические требования и частью добьется их от самодержавия. Когда майский листок, изданный Центральным Комитетом Российской Партии, выставил в числе майских требований конституцию, основанную на всеобщем, равном, прямом избирательном праве, то этот листок, как содержащий «утопические» требования, был подвергнут травле «экономистов», и «Раб. Дело» играло им в руку, систематически уверяя публику, что никакой борьбы двух направлений в русской социал-демократии нет, что все дело в «стадиях» борьбы, не противоречащих одна другой. Когда П. Аксельрод указывал на необходимость вовлечь в круг практической агитации те вопросы, в которых интересы пролетариата совпадают с интересами других недовольных классов общества, когда он приглашал социал-демократию освоивать рабочие массы с борьбой этих классов против царизма, тогда «Раб. Дело» смеялось над его надеждами на «либеральных помещиков». Когда «Южный Рабочий» поставил открыто своей задачей подготовлять рабочих к решительной революционной схватке с царизмом, то отстаиваемые «Раб. Делом» от нападок «стариков» «молодые» товарищи об'явили «Южн. Рабочий» бунтарским органом, а кислосладкая рецензия «Раб. Дела» об этом органе не сказала ни да, ни нет той редакционной программе, которою новая газета бросила вызов пропагандистам ходьбы «медленным шагом».

И вот теперь, когда вихрь событий застал врасплох мало организованное наше движение, когда перед местными практиками стала во всей грамадности трудная задача с незначительными наличными силами овладеть движением и оформить его — в этот момент «Раб. Дело», бесстрашно забыв все свое прошлое, впервые повторило за другими: вперед! вперед! за Земский Собор; и к этому прибавило совершенно некстати: «на насилие отвечать насилием!»

Но, господа, если на деле окажется, что наши рабочие массы недостаточно прониклись сознанием важности Земского Собора и не станут энергично под выставляемое знамя, то на кого падет ответственность за эту неудачу?

ции, приглашающие публику присоединиться к манифестантам. Толпа все росла, сочувствие обывателей огромное. Вид города был необычайный, движение экипажей прекратилось, публика толпами присоединялась к манифестантам, читая нарасхват прокламации. Студенты терялись среди публики, публика приветствовала манифестантов, а рабочие мечтали вслух о такой же рабочей манифестации. Трехтысячная толпа так напугала полицию и жандармов, что стали бить в набат; это увеличило торжественность минуты, но публику не разогнало, а увеличило. В городе до сих пор только и говорят, что о манифестации, и сочувствие к протестующим растет. Письма из Петербурга читаются нарасхват и перепечатываются. Тактика полиции во время манифестации была странная: малое количество полиции или их растерянность от неожиданности, но они сопровождали во все время шествия студентов и публику, но никого не задерживали, не переписывали, и мещане даже в испуге говорили, что студенты куда-то ведут полицию, очевидно, на вокзал, куда-то их отправляют, чтобы не мешали. Были и курьезы. Когда студенты собрались за городом, то полицмейстер послал разузнать, где у них сходка, в черте ли города или за чертой; переговоры между приставом и полицмейстером шли по телефону, и студенты следили и слышали все, и когда появилась на месте сходки полиция и стала шарить по земле, ища черту города, то студенты стали кричать, что они за чертой города, что городская полиция их не смеет трогать, что это дело уездной полиции; а полицмейстер, узнав, что сходка за чертой города, успокоился и велел только известить уездную полицию. Но когда студенты направились к городу, то городская полиция присоединилась к ним. Теперь начались аресты и высылки. Пока арестовано 11 человек технологов и один обыватель; после нескольких дней содержания в пересыльной тюрьме их выслали. Приговоры строгие. Высылали в Якутск, Сретенск, Читу и т. п.; свиданий не давали, денег не хотели принимать. Жестокое, бесчеловечное отношение дошло до того, что ехавшему в Якутск отказали передать одежду, белье и деньги, и он в летнем пальто отправлен в Якутск. Студентов еще не брали: на-днях ждут высылок и арестов. Говорят, что, кроме студентов, будут привлекать и публику, участвовавшую в манифестации.

Прибавлю, что после манифестации 12 марта была применена обструкция, а 13 марта университет закрыт на неопределенное время. Идут сборы денег среди публики в пользу высланных.

Рабочие Прохоровской мануфактуры поднесли Льву Николаевичу Толстому по поводу отлучения от церкви след. адрес:

Глубокочтимый и дорогой Лев Николаевич!

Благодаря посланию синода, мы сегодня решили прийти к Вам и высказать сочувствие от всех здравомыслящих рабочих. По некоторым размышлениям мы решили изложить Вам письменно цель своего посещения, потому что высказать устно иногда бывает труднее, чем на бумаге. Кроме того, мы потому надумали писать, что, может быть, Вам будет скорее и легче прочитать, чем выслушать.

Мы, рабочие, глубоко сочувствуем за несправедливое осуждение Вас синода, т. е. нескольких людей, называющих себя в гордом заблуждении «церковью христовой», как будто остальные миллионы не члены того великого общества, которое называет себя христианами. Мы, русские люди, — простые работники, чувствуем и понимаем чуть ли не глубже истины христова завета, чем члены святейшего синода. Не Вас должно отлучать от церкви христовой, а тех, которые сами не идут в царствие божие и других не пускают. Мы понимаем, что Ваши литературные произведения направлены не для ниспровержения великих истин, а, напротив, для раз'яснения их. Но мы знаем также, что во все времена люди, стоявшие на стороне благочестия, и великие вожди народа по пути человеколюбия и правды всегда были отчуждаемы от себя теми, которые попирают ногами свободу, добродетель и честь. Сам великий учитель наш не за то ли пострадал на кресте? Но то было время, а теперь иное. В наши дни даже чернь и та понимает и то, чего не понимало передовое человечество.

Ваше слово не на бесплодную почву упало, — оно пройдет из века в век на спасение человечества от мно-

---

Если делаемый вами призыв встретится с противодействием тех товарищей, которые от вас же усвоили себе теорию пресловутых «стадий» политической борьбы, и они откажутся «сразу» поддержать это требование, и вместо полного единогласия ваш призыв встретит недоумелые вопросы и вызовет новые раздоры,—что тогда делать? Если окажется, что те течения, которые вы до сих пор брали под свою защиту, глубоко проникли в сознание многих деятелей, и в ответ на призыв бороться вместе с интеллигенцией вы услышите: «Наше дело сторона, да здравствует рабочее движение!», в каком положении очутитесь вы тогда? А если — в чем мы не сомневаемся — дезорганизованность наших сил требует в настоящий момент от нас крайней осторожности в приглашении масс манифестировать во что бы то ни стало как раз в то время, когда враги наши организовали и напрягли все силы, то при таком положении дел легкомысленный призыв из-за границы: «освобождайте арестованных!», «отвечайте на насилие насилием!» и всякие «кровавые» речи могут иметь последствием компрометирование социал-демократии, взваливание на нее ответственности за могущую иметь место бойню рабочих.

Нет! Такая истерическая нервность, подкрепленная полной несостоятельностью в понимании задач партии, может только вредить развитию нашего дела, и наша обязанность обратить внимание товарищей на то, что все эти речи прикрываются фирмой «Заграничного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Наш собственный ответ на вопрос «что делать?» читатель найдет в особой статье в этом же номере. Здесь мы подчеркнем только один вывод. Чтобы достигнуть сплочения всех социалистически-революционных сил вокруг рабочего движения и его авангарда—социал-демократии, мы должны бороться с той дезорганизацией революционных сил, к которой грозит привести новый под'ем террористических настроений. А для этого наша партия должна доказать на деле жизнеспособность социал-демократического рабочего движения, как главной политической силы, способной сокрушить самодержавие. В каком бы положении ни застали нас нахлынувшие события, как бы мало мы ни были организованы, мы должны сделать все возможное, чтобы рабочий класс и социал-демократия исполнили в данный момент свой политический долг. Но чтобы выполнить этот долг, надо не опьянять себя громкими фразами, не закрывать глаза на ошибки прошлого и не удваивать принесенного ими вреда новыми противоположными ошибками. И пусть «исторический поворот» в 180 градусов, произведенный «Раб. Делом» при громе литавров, докажет неверующим, что политическая партия без твердой программы и принципиально выдержанной тактики обречена на полную беспомощность в каждый решительный момент.

[Л. Мартов]

гих соблазнов. А мы чтим Вас как великого человека, которому воздвигается нерукотворный памятник в наших сердцах.

* * *

Оригинал этого документа гектографирован.

Новое крепостное право или отчего крестьяне голодают. Нам прислано письмо солдата из голодающей Бессарабской губернии. Корреспондент сообщает, что копия этого письма послана еще и в другие редакции. Тем не менее, в виду чрезвычайного интереса, представляемого письмом, мы помещаем его на столбцах «Искры».

Христос воскресе!

Дорогой папа! Давно уже собираюсь тебе написать, да все или недосуг, или что-либо помешает. В начале этого месяца мне пришлось участвовать в усмирении бунта в селе Трифонештах в 35 верстах от Сорок (об этом, вероятно, было в газетах и ты читал). Дело было так: в два часа ночи меня пришел и сбудил солдат, не об'ясняя причины, приказал возможно скорее вставать и итти седлать при полной боевой. Придя в конюшню, я узнал от вахмистра, что в Трифонештах бунт и что вытребовано для усмирения такового два эскадрона солдат нашего полка. Нам выдали по 15 боевых патронов на человека, затем к четырем часам мы выстроились, и нам была прочтена речь подполковником, в которой он говорил, что мы идем не на настоящую войну, чтобы без приказания начальников оружие не обнажалось и чтобы никто, упаси бог, не посмел в случае даже крайности рубить острием шашки, а бить или плоской стороной или плашмя, затем, если будет приказано дать залп по бунтовщикам, то с особенным вниманием слушать, как это будет приказано, и стрелять над головами, чтобы, боже упаси, никаких несчастных случаев не было и т. д. и т. д. в том же роде. Когда речь свою он кончил (а говорил он около получаса), мы выступили, и, несмотря на невозможно грязную дорогу и дождь, который нам все время сопутствовал, мы к десяти часам были уже на месте. Не доезжая до Трифонешт верст на пять, с горки было уже видно, что возле помещичьего дома было скопление народа, человек 500—600, которые таковой окружили со всех сторон. В'ехав в деревню, мы уже думали, что этим дело и ограничится и что, увидав нас, народ немедленно рассеется; но не тут-то было: увидав, что мы себе рысцей приближаемся к ним, они устремились плотной массой на нас бегом. Тогда трубач сыграл атаку, и мы сомкнутым строем понеслись на бунтующихся полным карьером, чтобы смять их конями. Это, как и надо было ожидать, произвело между нашим неприятелем (как называют солдаты) панику, и они бросились бежать, кто куда мог; благодаря смятению между мужиками, и нам удалось их окружить, а часть, величиною в два взвода, бросилась догонять успевших разбежаться, при этом оказывавшим сопротивление порядком-таки влетело от озверевших солдат, которые били нещадно тупыми концами шашки; грешный человек, и я избил одного парня почти до потери сознания. Дело было так: я во взводе был назначен за старшего и, взяв одно отделение, пустился с ним догонять бегущих и поймал восемь человек бегущих и без особенно сильных сопротивлений с ихней стороны доставил их к командиру (который с остальными людьми эскадрона оцепил главные силы бунтовавшихся) и пустился догонять других, но тут вышло дело, которого я никак не мог предполагать. Один парень, к которому я подскакал с двумя солдатами, остановился с вилами в оборонительной позе и прежде, чем я успел опомниться, пустил их в меня, так как я ехал впереди всех, но на счастье особого вреда мне не принес, ибо я успел увернуться, и вилы вонзились возле самого моего тела, прорвав полушубок и мундир, которые были на мне надеты; я освирепел и избил его шашкой так, что его отливали водой. Бегство молдаван и наша атака производили, как говорил исправник, величественную картину. Несмотря на всю серьезность этого момента, масса было курьезного: так, некоторые, боясь солдат, бросались в воду и стояли в реке по грудь, откуда их пришлось вытаскивать, другие прятались в хлевы, в виноградники, в курятники, в погреба, откуда их приходилось извлекать, часто весьма неделикатно. Затем, когда нам удалось собрать всех бунтовавшихся воедино, исправник обратился к ним с речью на молдавском языке, говорил он грозно и долго, и многие молдаване прочувствовались и прослезились, другие же упали на колени и о чем-то просили. Все это вместе взятое призводило очень грустную картину. Плачущие старики на коленях, грозный исправник и солдаты в конном строю с шашками на-голо окружают тесным кольцом всех. Простояв сутки в Трифонештах и забрав четырнадцать человек главных зачинщиков, эскадрон двинулся обратно в Сороки, оставив два взвода солдат в Трифонештах во избежание повторения подобного; в числе других пришлось остаться и мне. Там мы простояли десять дней и за это время успел узнать все подробности бунта. Дело заключается в следующем. В Трифонештах живет помещик, он же земский начальник и владелец земли почти всех Трифонешт. Крестьяне частью раньше, частью теперь, благодаря постоянным неурожаям, продали ему землю и сами постепенно сделались его рабами, задолжав ему. Так как земли своей у них нет, то они работали на помещика, получая за каждую десятину, которую обработают (запашут, засеют, скосят и вымолотят), два рубля деньгами и половину урожая, т. е. мерка зерна помещику и мерка им. При таких условиях существовать было еще возможно, но с прошлого года помещик стал платить иначе, т. е. два рубля и зерна три мерки ему, а одна мерка крестьянам. Хлеба, благодаря этому, хватило только до рождества, и три деревни голодали (Трифонешты, Фрумушики и Севирево), скот продали, на заработки итти некуда: в Бессарабии и без них довольно голодного люда, а в Россию поехать — языка не знают, что тут делать? И стали они проситься, чтобы земский начальник отпустил их на Амур. Земский начальник их сперва отговаривал (боясь ли потерять дешевых работников или по другим каким-либо причинам). Наконец, его заставили с'ездить к губернатору; губернатор тоже отказал. Тогда крестьяне просили выдать им письменное удостоверение от земского начальника в том, что в его ходатайстве губернатор отказал и на каких основаниях. Земский в этом отказал. Тогда они собрались в числе 660 человек у его дома и ждали, пока он на это согласится. Вели себя они мирно, не проявляя ничего буйного, всех выпускали и впускали в дом, не препятствуя ни земскому, ни его семье ничем, только уверяли, что не уйдут, пока земский над ними не смилуется и не даст им просимого, ибо голодать им все равно где, дома ли, где еще жена и дети есть просят, или во дворе помещика. Земский усмотрел в этом бунт и боясь, как бы они чего-нибудь не учинили, вытребовал солдат, а молдаване, увидя, что на них (мирных жителей) движутся войска, понятное дело, возмутились и не хотели даваться в руки без боя, полагая, что их будут пороть, но все они были почти безоружны, если не считать вооружением палки, с которыми крестьяне всюду привыкли ходить. По уходе эскадронов на сходке были выбраны пять человек, которые поехали в Петербург ходатайствовать перед государем лично. Прожив десять дней между ними, можно лично убедиться в бедственном их положении; напр., за стол садится семья, состоящая из отца, матери и четырех детей, из которых старшему пятнадцать лет, и на стол подается миска супу, который варен из воды, луку и перцу, затем подается миска мамалыги, которой не хватило бы на одного хорошего едока, и фунта четыре кукурузного хлеба, — вот обед, а если прибавить сюда еще два фунта хлеба, то это будет пища на сутки для четырех человек, но эту роскошь далеко не все могут себе позволять, большая часть питается только хлебом и водою и то впроголодь. Относительно лошадей (у кого таковые еще есть) и говорить нечего, это положительно ходячие скелеты. Я жил в хате у одного старовера, выходца из Черниговской губ. Богатый мужик-кулак, у которого и овцы, и коровы, и лошади, — все есть и всего достать можно... Два офицера, которые с нами остались, жили у помещика, мне же, как я ни хлопотал, не удалось пристроиться ни к помещику, ни к кому-либо другому, исключая старовера,

как единственного зажиточного мужика. Хотя я и мало сидел дома, а от скуки ходил больше по селу и знакомился с жизнью и бытом тамошних крестьян. Из захваченных нами четырнадцати человек четверо осуждены на три года в военную тюрьму, а остальные шесть человек на меньшие сроки и в разные ведомства, четыре же человека оправданы.

Прожито мною в Трифонештах 21 рубль, да благодаря своему глупому мягкосердечию роздал беднякам, которым есть было нечего, около восьми рублей, и то не наличными деньгами, а покупал им хлеб и муку, за это меня никто, положим, не оправдает, да уж очень жалко видеть людей, которые чуть не умирают с голоду, в то время как сам и молочка выпьешь и яичко с'ешь, и пообедаешь сытно, а тут сделаешь хоть одно доброе дело, о котором ни в коем случае раскаиваться не будешь. Каких картин там насмотрелся, рассказывать не буду, ибо три дня будешь писать, всего не опишешь а лучше, если ты интересуешься подробностями, расскажу по приезде домой.

Как рязанский помпадур взял штурмом семинарию. В Рязани разыгрался семинарский бунт, конечно, на почве специфических условий семинарской бурсы: не хватило хлеба и хорошего обращения. «Бунт» продолжался три дня. Финал завершен воздействием полиции, во главе с вице-губернатором. 12 марта в час ночи вице-губернатор, сопровождаемый нарядом полиции и пожарной команды с зажженными факелами, пытался войти внутрь семинарии, но сначала ему это не удалось: в него чем-то запустили, и он отступил. Но после короткого совещания с семинарским начальством и служителями насчет задних ходов, была отряжена команда для вступления в семинарию с заднего хода. Семинаристы старались сломать железную лестницу, ведущую к ним на второй этаж, и тем не допустить к ним полицию, но безуспешно. После того, как команда пробралась к парадному крыльцу и отворила его, вошел вице-губернатор с остальной свитой. По их удалении, их напутствовали шиканьем и криком: «Да здравствует свобода семинарии! Долой ректора!». Теперь семинария прикрыта и часть бунтовщиков выслана на родину. Присутствовавшие при финале попы (в толпе) горевали о том, что они ничего не могут сделать для защиты своих детей.

Травля «подозрительных» интеллигентов.

Совершенно секретно.

М. В. Д.
Ардатовский уездный исправник.
30 сентября 1901 г.
№ 136.

Гг. исполнительным чиновникам ардатовской полиции.

По крайне серьезным обстоятельствам предлагаю вам, мил. гос., усилить совершенно негласный надзор за всеми лицами, имеющими какие-либо сношения с крестьянами, как-то: докторами, учителями, акушерками, фельдшерами, техниками и т. п. всякими интеллигентными лицами, а также (в особенности) за всеми лицами, приехавшими из других мест и состоящими в учебных заведениях. За появлением между крестьян каких-либо брошюр или книжек усилить самый строжайший надзор. Затем, что будет вами замечено сомнительного в благовидности поведения означенных лиц или появления брошюр или книг сомнительного характера, немедленно мне доносить для совместного обсуждения всего вами замеченного.

Для достижения строгого надзора за вышеизложенным рекомендую установить знакомство со священниками, конечно, не наталкивая их заметным образом на желание ваше добыть нужные сведения. Во всяком случае ни под каким видом не вверять этого надзора урядникам, поручив им, однако, строго наблюдать за всеми лицами, прибывшими в их участок, о которых докладывать вам не позднее суток по их прибытии. Лица, не принадлежащие к составу населения стана, безусловно должны все прописываться, пред'являя по требованию вашему или урядника свои виды на жительство.

При этом поставляю вам, м. г., в известность, что вышеизложенный надзор не должен быть кратковременным, а непрерывно постоянный. Если по обстоятельствам дела будет замечено небрежное или невнимательное отношение к изложенному надзору, то вы, м. г., рискуете потерять свою службу.

Подлинный подписал:
Исправник Иб. Самосудов.

Харьков. Приводим некоторые выписки из одного частного письма из Харькова от 22 апреля, сообщающего характерные подробности о вечерней демонстрации 19 февраля в этом городе:

«Хотя утреннее побоище и демонстрация должны были, казалось, вызвать массовый протест студентов, тем не менее собравшаяся в шесть часов вечера около участка толпа студентов была далеко не многочисленна. Эта кучка умоляла товарищей не расходиться, а еще немножко подождать, сама не зная, чего же им было и откуда ждать. Эта горсточка людей, отчаявшихся в успехе агитации среди харьковских студентов, буквально ловила «коллег» за рукава, только чтобы набрать какую-нибудь сотню демонстрантов. Я сама видела в 6 час. вечера, как их мало было около участка. И вот еще минута, другая, идут рабочие, идет толпа в 200—300 чел.,—и картина внезапно меняется! Теперь все бегут со всех улиц и переулков на звуки грянувшей „Дубинушки“, теперь оглушительный свист несется уже сразу из сотен грудей, и масса, как лава, мчится вперед, разливаясь все шире и гуще по площади и улице. Откуда что взялось, не поймешь ни за что. Тут все перемешалось: рабочие, студенты, дамы, господа, прислуга, офицеры, мальчишки... Все слились в стремительном порыве вперед, все охвачены общим чувством громкого, свободного, молодого протеста, у всех вспыхивает в груди радостное, поднимающее чувство свободы, воли и могущества массы. Но вот казаки! И вся сила негодования и ненависти уже многотысячной толпы разражается в новых раскатах протестующих криков и свиста. Мелькнули нагайки, началось это подлое избиение беззащитных, и нет больше „публики“ — кругом тысячи возмущенных, негодующих, протестующих, демонстрантов... На другой день после демонстрации все в один голос повторяли, что никто не ожидал такого успеха. На рабочих не могли рассчитывать хотя бы уже потому, что день был непраздничный, а ведь они-то и „вывезли“!.. А мне теперь до тоски хочется снова попасть в такую громадную толпу, слышать этот рев ее, свист и крик негодования. Какая мощь чувствуется в сплотившейся массе, и если бы хоть простые дубины ей в руки — сама нечистая сила дьявола дрогнула бы перед нею, а не только эта поганая свора пьяных зверей!»

В хронику общественных протестов. Мин. вн. дел подано заявление, подписанное 95 лицами, по поводу мартовских событий в Петербурге. Разоблачая лживость сведений, помещенных в «правительственном сообщении» о побоище 4 марта, протестующие спрашивают: «Кому нужно было это бесцельное избиение людей на улицах столицы? Кто были виновниками этого зверского избиения молодежи? Люди, сознающие свой гражданский долг, не могут молчать. Мы сознаем этот долг и заявляем, что только отмена „временных правил“ устранит ближайшую причину теперешних студенческих волнений. Только суд над виновными в избиении 4 марта, кто бы ни были эти виновные, успокоит возмущенную общественную совесть».

В числе подписавшихся находим имена, известные в литературе (Анненский, Рубакин, Воронцов, Потапенко, Мякотин, Фальборк, Чарнолусский, Ганейзер, Пешехонов, Куприянова, Никонов, Вересаев, Пантелеев, Арсеньев, М. Энгельгардт, Венгеров, Вайнберг, Михайловский); несколько профессоров (Лесгафт, Бауман и др.), адвокатов (Люстиг, Карабчевский, Герард, бр. Бернштам, Вейнберг,

Свешников, Стасов), академиков (Бекетов и Шахматов) и президента Вольно-Экономического Общества гр. Гейдена. Министерство внутренних дел ответило на эту петицию со свойственным ему остроумием: занесло большинство подписавшихся в список, у которых перед 1 мая произведены обыски. Многие из обысканных арестованы (Бернштамы, Мякотин, Корнилов). Разумеется, при этом правительство преследовало самые мелкие цели: наделать неприятностей тем лицам, которые заведомо для него далеки от всякой «подпольной» деятельности, но которые осмелились возвысить голос протеста. Мы надеемся, что эта мелкая мстительность правительства приведет к полезному результату: в сознании либеральной части общества день пролетарского праздника станет днем сведения счетов между правительством и всеми его врагами.

———

Из Нижнего-Новгорода сообщают: «Отсюда подают петицию об амнистировании всех замешанных в беспорядках студентов. Говорят, что в годовщину безвременно погибшего Ливена студенты-нижегородцы вздумали было произвести демонстрацию. Но сметливая администрация разрешила им сходку на день демонстрации (8 апреля). На сходку были приглашены и представители разных ведомств (писатели, чиновники, председатель управы и проч.), в числе 72 человек. Была и публика. Дело происходило во всесословном клубе. Постановлено большинством голосов: демонстрации не производить, а взамен этого послать вышеупомянутую петицию. Собрание было со своим председателем, двумя секретарями, баллотировочным ящиком и протоколистами. В случае, если общество откажется подписываться под петицией, студенты удерживают за собою право устроить демонстрацию».

———

Ярославль. Общестуденческое движение задело краешком и ярославский Демидовский лицей. Всех студентов в лицее 715 чел. До этого года жизнь лицеистов протекала мирно (если не считать неудачную попытку одного студента устроить забастовку в 1899 г.). Отношения между студентами и инспекцией были чисто-семейного характера, а директора лицея Шпилевского студенты считали своим отцом, милостиво предоставляющим своим детям безобразничать сколько угодно. Насколько у студентов лицея (кстати сказать, некоторые обыватели, свидетели уличных «демонстративных» безобразий лицеистов, называют лицей музеем, да и сами лицеисты не стыдятся называть этим именем свою alma mater) мало развито сознание своего собственного достоинства, можно видеть из следующей истории, которую можно озаглавить так: слияние чистой науки с грязной полицией. В середине февраля этого года лицей праздновал сорокалетие ученой деятельности своего профессора и директора Шпилевского. Казалось бы, какое отношение этот чисто университетский праздник имеет к губернатору и жандармскому полковнику, полицмейстеру и всем присным, однако, в актовом зале мы с удивлением увидели не только сих почтенных мужей, но и их помощников. Не преминул отдать долг уважения ученой деятельности Шпилевского и местный агент сыскной полиции Сундуков, увешанный медалями за свои многочисленные услуги царю и отечеству. Наивные лицеисты не понимали, что в храме науки не место полиции. Так было до 4 марта. События этого дня сразу всколыхнули сонную душу лицеиста. Он заволновался. Были выпущены две прокламации: 7 и 8 марта за подписью Ярославского Исполнительного Комитета (?). На 9 марта была назначена сходка. Явилось до 250 студентов; были приняты все три пункта требований всего студенчества. Но тут явился директор, который сначала упрашивал отечески студентов разойтись, а затем стал кричать, и когда студенты отказались разойтись, велел их переписать. Переписано было 155 человек. На следующий день снова была сходка; но директор-отец, после приказа разойтись, немедля вызвал войска, и тут-то лицеисты на своих шкурах узнали его отеческое попечение. Солдаты с ружьями вошли в лицей и группами уводили студентов в близлежащие казармы. Арестовано было 83 человека. Ночью они были переведены в арестантские роты, где и были размещены в двух больших камерах. Держали в заключении две недели, после чего разослали по разным городишкам. Семь студентов выделили из общей массы, как зачинщиков, и посадили в тюрьму, в одиночные камеры. В настоящее время и эти высланы. На-днях об'явлен приговор: уволено на год и на два 15 студентов; остальных подвергли различным административным взысканиям.

* * *

Перед пасхой были арестованы два студента; обвинялись они в том, что будто бы они писали анонимные ругательные письма предержащим властям. Взяли их по показанию инспектора лицея, который сказал про них, что больше-де некому, кроме них: они вдвоем постоянно вместе, ведут себя как-то подозрительно тихо. И вот, на основании того, что они ведут себя тихо, а это инспектому кажется подозрительным, их держали в заключении 5 дней, затем освободили.

* * *

Местные власти давно уже подбирались к статистике. Студенческие волнения и аресты 12 студентов, работавших в бюро, дали повод администрации вмешаться во внутреннюю жизнь его. На следующий день после арестов, т. е. 11 марта, в бюро является член управы, чиновник особых поручений при губернаторе и переодетый жандармский писарь. Прежде всего компания спросила гектографские чернила. После осмотра их нашли, что они не походят на те, какими написаны прокламации. Затем осмотрели столы всех арестованных студентов. Конечно, ничего не нашли. Но вице-губернатор (губернатор ездил в Петербург с докладом о текущих делах г. Ярославля) не успокоился, призвал к себе заведующего бюро и, заявивши, что «времена теперь строгие: реакция в полной силе», предложил ему произнести нравственную очистку бюро, требуя от него, чтобы он впредь принимал студентов со строгим выбором, так, чтобы о них нельзя было и подумать, что они могут когда-либо оказаться неблагонадежными. Глупый поручик (вице-губернатор — поручик в отставке) не сообразил, что сыскная полиция еще не нашла способа следить за мыслями, за душою человека.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ.

Ярославль. Рабочее движение в Ярославле, раз начавшись, не могло, конечно, заглохнуть, несмотря на все усилия полиции. Полиция не дремала. Особенно много потрудился здесь начальник сыскного отделения (он же пристав 4-ой части), некто Петровский, горячий сторонник зубатовской политики. Как известно, система Зубатова состоит в том, чтобы среди рабочих поселить взаимное недоверие, вводя в их среду своих клевретов, которые сначала прикидываются ярыми революционерами, а затем оказываются предателями. Петровский стал подыскивать себе помощника, и выбор его скоро остановился на одном рабочем, Федоре Дорофееве. Неглупый парень, уже раз привлекавшийся (по делу технолога Носкова), он быстро устроил кружок из рабочих, нанял квартиру для занятий и затем, когда узнал все, что нужно, предал. Аресты были 12 января. Арестованы — студенты Демидовского лицея: Ив. Гр. Наумов 4-го курса (выпущен через две недели после ареста), Ярославцев, Алекс. Вас., 3-го курса и Алекс. Петрович Доливо-Добровольский 2-го курса (оба еще сидят), гимназист 8-го класса Ярославской гимназии Вас. Алекс. Носков (выпущен 14 апреля), учительница городского начального училища Ан. Дм. Бобенко (выпущена 25 февраля), слесарь (он же ученик здешнего Пастуховского технического училища) Никаноров (выпущен через две недели), рабочие: Ив. Исаев Короткин и Федор Семе-

нухин (оба еще сидят). Взят был и Ф. Дорофеев (выпущен в начале апреля). Все арестованные обвинялись в пропаганде среди рабочих, показаний не давали почти никаких, и жандармерии, несмотря на все усилия, не удалось создать «дело». Дело, по словам жандармского ротмистра, присланного из Москвы для ведения следствия, яйца выеденного не стоит. А уж как старались жандармы: грозили каторгой (некоторые обвинялись по 250 ст., которая говорит о 15-летней каторге), мучили допросами в жандармском управлении и тюрьме, вызывали свидетелей по всякому незначительному поводу, устраивали очную ставку с Дорофеевым. В настоящее время, говорят, прокурором московской судебной палаты дело отослано в Петербург. Но все усилия царской полиции заглушить рабочее движение остаются безуспешными. В начале марта 1901 г. забастовала Норская мануфактура из-за предполагаемого понижения расценок на лето. Бросили работу две трети всех рабочих (всего около пяти тысяч). 11 марта было арестовано 12 рабочих с Норской фабрики, шедших группою в Ярославль на ярмарку. Обвиняются они в том, что будто бы они шли в город с целью устроить демонстрацию, поднявши массу фабричного народа, гулявшего в то время по ярмарке. Забастовка окончилась, по слухам, неудачно для рабочих: расценки не повысили. Перед пасхой на той же фабрике ходили листки местного характера, которые подняли на ноги всю полицию. Арестов не было. На Ярославской мануфактуре тоже неспокойно из-за расценок. Передавали, что 57 человек тягали на допрос в жандармское управление. Арестов не было, администрация фабрики, испугавшись волнений, увеличила расценки.

* * *

По недостатку места откладываем до следующего номера другие интересные сообщения нашего ярославского корреспондента.

Орехово-Зуево (местечко Никольское). Раньше, чем приступить к описанию больничных порядков у Саввы Морозова, считаю нужным сказать несколько слов, характеризующих местное положение. Для нас, орехово-зуевских рабочих, небезынтересно познакомить через рабочую газету «Искра» как своих рабочих, так и рабочих других городов и других профессий с нашими, иногда чудовищными порядками. Не говоря уже о том, что всякий сознательный рабочий должен интересоваться рабочим вопросом, но есть много людей, которые сами не рабочие, а все же интересуются этим вопросом и сочувствуют классовому рабочему движению... Как бы ни держали нас в невежестве своими хитросплетенными софизмами пресловутые попы, идущие рука об руку с капиталистами и властями русского правительства, — рабочие все же видят свое жалкое рабское положение.

В местечке Никольском работает до 25 тысяч человек у двух фабрикантов: Викулы и Саввы Морозовых, а все население Орехова состоит из 40 тысяч человек, живущих на расстоянии девяти квадратных верст. И при таком количестве и такой скученности населения рабочее движение, тем не менее, очень тихое и сонное; эта сонность происходит, главным образом, от полной умственной голодовки. У нас нет литературы, которая встречается в столицах и других больших городах, к нам не попадают и рабочие из таких городов, и, благодаря этому, мы не знаем, где и как ведется дело. Взяться же самим у нас не хватает смелости и, отчасти, знания. Вот образчик наших порядков и нашего материального положения, который мы приводим без всяких преувеличений и в полном согласии с фактами.

У нас есть две больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочих Саввы Морозова. Больница находится около чугунолитейного завода (завод служит для фабрики) и жилых рабочих помещений (казарм). Место вредное и для жилых помещений, а для больницы тем более. Морозов сдал свою больницу за известную сумму одному эскулапу, доктору Базелевичу. С больными доктор Базелевич обращается как настоящий живодер. Труды его даром не пропадают: он отлично умеет сдирать шкуру с изнеможенных рабочих. Чаю и сахару больным не полагается, а есть только кипяток и тот только до шести часов вечера. Пища очень скверная и то не в достаточном количестве. К ужину подают кислые щи или другую такую же похлебку. Больные голодают в буквальном смысле слова. Только те и сыты, которых навещают родные и знакомые. В виду полуголодного содержания больных, Базелевич не возбраняет приносить в больницу все, а потому родные несут и кислую капусту, и селедки, и хлеб, и квас,—одним словом, все, что есть. Кормят больных по несколько (4—5) человек из одной посуды за-раз. Белье содержится очень грязно, и всегда можно заметить на простынях и наволочках очень сомнительные пятна. Вот как рассказывает один рабочий о своем посещении: «Раз я пришел в числе посетителей в больницу. Подходя к знакомому, я обратил внимание на рядом лежащего больного. Это был молодой человек в длинной грязной рубахе, в коротких грязных кальсонах и разных чулках (один белый, другой красный). Больной страдал ногами. Когда я беседовал, то молодой человек жадным, измученным взглядом смотрел на меня и, наконец, произнес: „Ради Христа, дай кусочек хлебца, я чуть не умираю с голода, так как меня никто не посещает“».

Лечение в больнице возмутительное — одной водой и дешевенькими порошками. Сам Базелевич очень редко принимает больных. Он нанял двух врачей, а сам только следит за выдачей лекарств.

Тут же существует родильный приют, который замечателен своей нелюбовью к пациенткам — больных принимают только дня за два до родов, отговариваясь тем, что они слишком рано приходят есть хозяйские харчи. В январе этого года был такой возмутительный случай: акушерка отослала назад домой беременную женщину. Отойдя немного от больницы, женщина родила на дороге.

Как видите, товарищи, наше положение в больнице у Саввы Морозова не из приятных. Наше здоровье, наши силы превратились в частицу морозовских миллионов. Морозов богатеет, а мы принуждены проводить последние дни жизни, протягивая руку за куском хлеба. Ну, а если мы попадем в богадельню? В следующем письме мы увидим, чего можно ожидать там.

Московская губерния. Условия работы на недавно основанной фабрике акционерного общества при сельце Сетуни, Московского уезда, дали уже повод к двум забастовкам, происшедшим в сентябре и ноябре 1900 года. Вот некоторые подробности.

Фабрика основана летом 1900 г. Первое время на ней работало всего человек 15. После число рабочих увеличилось до 80. Сначала рабочие получали поденную плату, но вскоре хозяева фабрики в своих выгодах перевели поденную плату на сдельную. Дело в том, что неусовершенствованные машины часто разлаживались, основы с ручных сновальней приходилось клеить руками, а это отнимало много времени. Рабочие очень скоро увидели, что при таких условиях невозможно работать сдельно. Но напрасно они несколько раз просили снова установить месячную плату, хозяева отвечали категорическим отказом. Тогда рабочие решили забастовать, и 15-го сентября никто не пошел на работу. Рабочие требовали установления помесячной платы и повышения ее до 25 руб. Забастовка продолжалась две недели. Кончилось тем, что администрация фабрики предложила работающим на машинах 17 р. в месяц и ручным ткачам 20 руб.

После первой стачки на фабрику было набрано много новых рабочих, но и они, проработав около двух месяцев, стали роптать на слишком низкую заработную плату и фабричные порядки. Наконец, они отправились к заведующему, Юлию Ивановичу, и заявили ему следующие требования: 1) сменить мастеров, не знающих русского языка, 2) давать хорошие инструменты, 3) устроить на дворе фонари для идущих на ночную смену и 4) повысить заработную плату. «Хорошо, ребятушки,—ответил им заведующий, все—исправлю, все сделаю по-вашему, идите, не беспокойтесь». Рабочие продолжали работать, но, видя, что все остается попрежнему, опять через несколько дней

повторили свое требование Опять много обещаний на словах и ничего на деле. Выведенные из терпения рабочие решили, наконец, 28 ноября прекратить работу. К ним явился заведующий и стал уговаривать стать на работу, обещая опять выполнить все их требования. Но на этот раз рабочие не поддались на удочку и наотрез отказались выйти на работу до тех пор, пока не исполнят их требований. Так прошло два дня. Приезжал исправник Тимофеев и тоже уговаривал рабочих встать на работу. Он приезжал пять раз и, наконец, заявил: «Кто не хочет итти на работу, берите расчет». Рабочие ответили, что возьмут расчет только при условии, если им выдадут по 18 руб. в месяц. Когда же и на это последовал отказ, они отправились на телеграф и послали великому князю Сергею одну, а потом, видя, что никто не едет, вторую и третью телеграмму. Кроме того, они послали двух ходатаев в Москву, но те были арестованы по дороге. Наконец, приехал ад'ютант вел. князя, записал требования рабочих и уехал. А через несколько часов трое рабочих были вызваны якобы к допросу и тоже посажены в тюрьму. Ад'ютант приехал через несколько дней опять и сказал следующее: «Братцы, теперь я ваших подстрекателей арестовал и вам ничего не остается больше, как встать на работу». — «Если бы нам и всем пришлось сесть в тюрьму, — отвечали рабочие, — и тогда бы мы не отказались от своих требований». — «Видно, среди вас еще остались козлы,—возразил ад'ютант,—да не много их; а остальные—все овцы. Дорого бы я заплатил, если бы кто-нибудь указал мне этих козлов». На другой день на фабрику наехала полиция: жандармы, урядники, человек 50, и оставались на фабрике четыре дня. 12 декабря опять приехал ад'ютант вел. князя, потом становой пристав, земский начальник и фабричный инспектор. Они собрали рабочих и стали вызывать по фамилиям, записывать тех, кто продолжал упорствовать. Согласившихся итти на работу оказалось всего человек 15. Остальных усадили на 30 розвальней и в сопровождении урядников отвезли в тюрьму. Там они просидели 22 дня, а потом этапом были отправлены на родину. Так заступился вел. князь за обижаемых рабочих.

Смерть П. Морозова. В начале января в Сычевке, Смоленской губернии, умер от болезни, нажитой в тюрьме, петербургский агитатор Петр Морозов (ткач). В 1894 г. Морозов был арестован в Петербурге и, после полутора года заключения в провинциальной тюрьме, был сослан в 1896 г. в Вологодскую губернию на три года. По окончании ссылки Морозов поехал в Екатеринослав и, несмотря на совершенно расшатанное здоровье и тягостные условия труда, за который ему пришлось взяться (он поступил кочегаром на завод), тотчас же принялся за революционную работу. По какой-то случайности он очень скоро (перед 19 апреля 1899 г.) был снова арестован с несколькими стами прокламаций. Пребывание в екатеринославской тюрьме его добило окончательно. Летом 1900 г. Морозова, уже безнадежно больного, выпустили и выслали в город Сычевку. Покойный принадлежал к числу лучших агитаторов нашего движения.

Из Иваново-Вознесенска сообщают ряд фактов, свидетельствующих о крайне тяжелом положении рабочих, вызванном промышленным кризисом. На прядильной фабрике тов. Иваново-Вознесенской мануфактуры (занимающей 5.000 раб.), начиная с 9 октября стоит почти каждую смену половина ватерных машин (их всего 144), а рабочим платят всего только за половину простоя. В месяц пропадает плата за целых четыре дня. На ткацкой фабрике того же общества стали давать плохой материал, понизивший заработок с 11 р. до 9 р. в месяц в среднем; для отдельных рабочих плата упала до 6 руб. Требование рабочих об улучшении материала не было удовлетворено, при чем во время об'яснения с рабочими хозяин А. Зубков заявил: «Когда нам приходится работать в убыток! Чорт с ней, с фабрикой и со всем производством, когда у нас не идут товары».

На плохой материал жалуются также с фабрики Бурылина (900 чел.). За недостатком основы, машины часто стоят, а за простой рабочим не платят. Для удлинения рабочего дня переводят по усмотрению часы. Для части рабочих рабочее время увеличено с 9 до 11½ часов. В железнодорожных мастерских (около 300 чел.) также произвольно переводятся часы, налагаются несправедливые штрафы, неправильно выдаются пенсионные деньги. 2 февраля уволили рабочего за то, что он задремал за работой. А задремал он потому, что проработал без сна двое суток.

В двадцатых числах марта в Ив.-Вознесенске распространен листок местного комитета партии по поводу волнений на фабрике Бакулина, описанных в № 3 «Искры».

Кризис и его последствия. Кризис все разрастается. В Петербурге, Москве, Туле, Ив.-Вознесенском районе работы сокращаются. В последнее время застой охватил и бакинские нефтяные промыслы, и бакинский губернатор телеграфировал астраханскому о необходимости задержать движение безработных в Баку. А в Астрахани и без того скопление безработных. Нищета и обострение эксплоатации во всех видах вызывают крайне напряженное настроение в этих толпах голодного люда. Несомненно, известия о политических волнениях в Петербурге, Москве и Харькове еще усилили это настроение, и апрель ознаменовался целым рядом беспорядков.

Первые беспорядки произошли 9 марта в посаде Горловке, Екатеринославской губ., где шахтеры стали требовать выдачи им бесплатных свидетельств для проезда на родину и, получив отказ, произвели разгром лавок и нападение на полицейское управление. К пасхе настроение масс везде было настолько серьезное, что власти опубликовали распоряжение о воспрещении сходок и демонстраций (на основании положения об охране) в Кронштадте, Одессе, Николаеве, Севастополе, Екатеринославской губ., области Войска Донского, не говоря уже о тех местах, где происходили демонстрации в марте. Сверх того, мин. вн. дел воспретил устройство праздничных увеселений (балаганов), так как уличные беспорядки частью возникают в таких местах скопления праздничной публики. Однако, в Кишиневе именно это воспрещение вызвало беспорядки, завершившиеся погромом еврейских лавок. В Киеве произошли весьма бурные беспорядки, вызванные усердием одного из солдат, назначенных для пополнения полиции. Во время беспорядков несколько полицейских ранено ножами. В Екатеринославе тоже произошел разгром еврейских лавок. В Астрахани происходили бурные столкновения между рабочими, пришедшими из деревни, и городскими босяками. В Таганроге во время пасхи дважды происходили крупные беспорядки с нападением на чинов полиции. В гор. Сочи на Кавказе беспорядки приняли форму нападения на турок, а потом на имеретин. В Одессе для предотвращения беспорядков администрация арестовала до двух тысяч обитателей ночлежных домов и продержала город в течение праздников на военном положении. То же было и в Саратове, где ожидались серьезные волнения.

С 1881 г. начало каждого десятилетия отмечается в России «беспорядками» городской голытьбы. Этот многочисленный класс населения, прикасающийся с рабочим пролетариатом, доставит современному порядку еще не мало хлопот и огорчений. Никакие драконовские меры не умиротворят этого люда. «Чистая публика» должна убедиться, что от последствий буйных вспышек голытьбы ее могут оградить только два условия: правильно развивающееся и не преследуемое законом рабочее движение, при котором возможно смягчение бедствий, вызванных безработицей, и такой политический строй, при котором голодный бедняк не будет на каждом шагу раздражаем полицейским произволом.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Русские события последних месяцев обратили на себя общее внимание в Европе. Возмущение образом действий русского правительства по отношению к студентам и радостное изумление по поводу смелого выступления русских рабочих на путь политической борьбы охватили революю-

ционный пролетариат и либеральную интеллигенцию в Зап. Европе. Профессора и студенты почти всех стран опубликовали свои протесты против царского правительства и выразили сочувствие русским борцам за свободу. Рабочие и студенты устраивали многолюдные собрания для выражения солидарности с ведущейся в России борьбой. Г. Плеханов и Б. Кричевский, в качестве русских делегатов в международном социалистическом секретариате, обратились в последний с предложением издать манифест ко всем рабочим по поводу русских событий. В воззвании от 25 апреля секретариат пригласил рабочих всех стран в резолюциях, принимаемых на майских собраниях, приветствовать русских борцов. В Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции были устроены специальные собрания для выражения протеста против русского правительства. Так, Г. Плеханов пишет нам, что ему, по приглашению бернского рабочего союза, пришлось говорить на собрании, созванном специально для протеста против русского царизма. Одушевление швейцарских рабочих, слушавших сообщение о росте революционного движения в России, было громадно. После обеда в устроенной рабочими первомайской процессии несли, среди других знамен, также два транспаранта с надписями: «Долой русский царизм! Да здравствует русское революционное движение!» Газеты сообщали, что русский посланник пред'явил швейцарскому правительству формальный протест против этого. Принимая во внимание, что транспаранты несли швейцарские граждане, нельзя не признать, что этот протест является выражением той наглости, которую обыкновенно позволяет себе русское правительство по отношению к слабым. Если бы дело было в Англии, то, разумеется, русские дипломаты не позволили бы себе ничего подобного. Ниже приводим письмо товарища Васильева об одном из таких собраний в Швейцарии. Васильев—наш соотечественник, уже давно покинувший Россию и вступивший в ряды швейцарской социал-демократии, где он приобрел заслуженную известность.

ПЕРВОЕ МАЯ В АРБОНЕ.

Арбон — это маленький городишко или, если хотите, большая деревня на Боденском озере. В Арбоне несколько фабрик, и арбонские рабочие могут гордиться своей организацией. Это маленький оазис организации. В то время, когда во всей Швейцарии только 18 процентов рабочих сплочены в союзы, около 80 процентов рабочих Арбона соединены узами солидарности в семи обществах, и эти семь обществ сплочены в арбонском рабочем союзе. Занедолго до 1 мая были здесь выборы в совет общины, и рабочие провели двух своих социалистических кандидатов.

В этом-то Арбоне я должен был говорить на рабочем митинге первого мая.

Приехав в городок, я был удивлен праздничным видом его. Весь город был украшен флагами, не только дома бедняков, но и виллы богачей. Я был удивлен. Оказалось, что рабочие в своем воззвании по поводу рабочей международной демонстрации первого мая просили «сограждан» украсить город. И — эта просьба была уважена! Рабочие стали крепким союзом, и — сила вызывает уважение — эти развевающиеся флаги выражали новое отношение граждан других классов к рабочему классу.

Фабрики (машинные и вязальные) стояли целый день закрытыми. Утром был концерт на площади... После обеда на этой площади собрались в «военном порядке» батальоны арбонских рабочих. Вот, под звуки марша, с развевающимися знаменами двинулись мы процессией... Обойдя весь город, остановились перед входом в громадный зал, в котором я должен был говорить... Зал был набит битком рабочими и любопытными... Я был увлечен этой толпой и говорил более двух часов о нашем великом деле, о значении нашей международной демонстрации... Любо было глядеть, с каким вниманием и сочувствием слушали меня, глаза слушателей, работниц и рабочих, блистали, разгорались и вспыхивали, зажигая говорящего. Вот я заговорил под конец о движении русских рабочих... при каких тяжелых невозможных условиях должен бороться русский пролетариат за свое освобождение... И все же борьба идет!

Сплошной массой поднялись все слушатели, когда президент союза арбонских рабочих прочел резолюцию, выражающую сочувствие русскому борющемуся пролетариату и студенчеству... Это протягивалась братская рука, это бились, как одно, сотни рабочих сердец через тысячи верст в страну, где не сияет солнце политической свободы, а свистит кнут и нагайка.

Васильев

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЫ.

На восьмом интернациональном конгрессе противников алкоголизма, состоявшемся в Вене в средних числах апреля сего года, присутствовал, среди делегатов других европейских стран, и представитель русского правительства, граф Скаржинский. Слушая его реферат: «Русские официальные общества трезвости и народные праздники, как средство борьбы против алкоголизма», можно было подумать, что дело идет о наикультурнейшей стране Европы. Чего только, судя по реферату гр. Скаржинского, русское правительство не делает для просвещения своего народа и для отвлечения его от вредных спиртных напитков! Не говоря уже о введении монополии на продажу алкоголя, имевшем исключительно целью уменьшить пьянство в России, русское правительство тратит ежегодно 3.000.000 руб. на устройство обществ трезвости, публичных библиотек, чайных, народных праздников и театров; кроме того, различные графы и князья берут на себя часто чтение рефератов о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье человека, при чем распространяют среди присутствующих брошюры, написанные на ту же тему. Само собою понятно, что русское правительство, благодаря этим радикальным мерам, достигло наилучших результатов в борьбе с алкоголизмом, и стоит только, по мнению гр. Скаржинского, Западной Европе последовать примеру России в этом отношении, как алкогольный вопрос исчезнет с лица земли.

Графу Скаржинскому ответил австрийский студент Георг Григорович.

«Я не хочу, — начал свою речь Григорович, — чтобы граф Скаржинский уехал из Вены, не узнав настоящего отношения Зап. Европы к так называемым социальным реформам России. Гр. Скаржинский в таких ярких красках описал нам меры, принимаемые русским правительством в борьбе против злоупотребления спиртными напитками, что Россия должна нам казаться каким-то раем... Но, если русское правительство ввело монополию на продажу спиртных напитков, то из этого еще не следует, что оно имеет право монополизировать просвещение русского народа и пропаганду против злоупотребления алкоголем. Если бы против алкоголя и всех связанных с ним последствий агитировал не гр. Скаржинский, а гр. Толстой, то русское правительство сослало бы его в Ясную Поляну, а когда молодые, даровитые люди, следуя своему идеальному порыву, хотят просветить русский народ, научить его грамоте, — их арестовывают и сажают в тюрьмы, как преступников. Если же граф Скаржинский распространяет среди русских крестьян и рабочих брошюры о последствиях злоупотребления алкоголем, то он делает это, по всей вероятности, для остальной Европы и этого конгресса, так как русский народ их читать не умеет. Очень возможно, что графу Скаржинскому, подобно многим другим правительственным лицам, совершенно неизвестны настоящие условия русской жизни (гр. Скаржинский делает возбужденно какое-то замечание президенту); это видно из его утверждения, что „в России еще ни один мужик не умер с голоду". Да и не удивительно: ведь русская пресса меньше всего должна касаться самой России. Я советую поэтому графу Скаржинскому прочесть книгу „Голодающая Россия" Лемана и Парвуса — здесь, у нас, он может ее читать — в ней он найдет много поучительного материала для себя».

Говоря далее об антиалкоголистическом движении в Буковине, Григорович рассказывает, что там одновременно с обществами трезвости, устраиваются общества,

имеющие целью научить крестьян грамоте. «Не мешало бы и русскому правительству, — продолжает он, — последовать нашему примеру. Вместо того, чтобы массами арестовывать студентов, пусть русское правительство их просит, — да, просит, чтобы они просвещали русский народ и научили его грамоте. Тогда и только тогда граф Скаржинский с успехом сможет распространять брошюры о вредном влиянии алкоголя». Громкие, в продолжение двух минут не прекращавшиеся, аплодисменты показали, что мнение, высказанное Григоровичем, разделялось всеми присутствовавшими на конгрессе.

Бледный и весь дрожа от волнения, граф Скаржинский просит слова.

«Я не намерен, — сказал он, — отвечать на речь, имеющую чисто политическую подкладку. Я хочу верить, что бюро этого конгресса, как и австрийское правительство пригласили нас сюда не для того, чтобы говорить нам такие неприятные вещи. Я по личному опыту знаю, каким гостеприимством отличается Австрия, и только потому охотно согласился на предложение русского правительства послать меня на этот конгресс в качестве делегата». (Слабые аплодисменты и сильное шиканье.)

Охотно верю графу Скаржинскому, что правда, сказанная ему г. Григоровичем, была ему, по меньшей мере, «неприятна».

[В. Вегман]

ИЗ ПАРТИИ

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

Если русская социал-демократия усиленно готовилась в этом году к маевке, то правительство, повидимому, напрягало все свои силы, чтобы воспрепятствовать демонстрациям. В Петербурге 18 апреля произведен еще неслыханный у нас полицейский разгром. Число арестованных считают в 300, обысков произведено не то 600, не то 800. На одном Путиловском заводе взято 50 рабочих. Предполагавшаяся на 22 апреля рабочая демонстрация не удалась. Зато блестящую демонстрацию устроило правительство: по Невскому продефилировало несколько полков солдат. «Шпионство и предательство висят в воздухе», пишут нам из Петербурга.

В Польше и Литве была распространена масса майских листков. «Социал-демократия в царстве Польском и Литве» издала одну майскую прокламацию на польском языке и одну на немецком, сверх того специальный листок к польским рабочим о последних событиях в России, особый листок к булочникам и майский номер своего органа «Рабочее Обозрение». В статье, посвященной русским событиям, говорится: «В день первого мая мы обязаны демонстрацией против царизма показать нашу солидарность с нашими братьями, русскими революционерами».

«Общееврейский Рабочий Союз» издал майский номер «Голоса Рабочего» и майскую прокламацию. Польская социал-демократическая партия «Пролетариат» тоже обратилась к рабочим с прокламацией по поводу первого мая, в которой приглашала рабочих не устраивать демонстраций, а ограничиться прекращением работ. Партия указывает на то, что демонстрации уносят слишком много жертв. Нам точка зрения новой польской партии представляется ошибочной.

Днем демонстрации в Варшаве было назначено воскресенье перед первым мая нового стиля (15 апреля). Демонстрация произошла на Маршалковской улице. Демонстрантов было, по сообщению Варшавского Комитета Польской Соц.-Дем. Партии, до 15 тысяч. Происходили столкновения с полицией, и несколько десятков человек арестовано. По варшавским улицам раз'езжают казаки; завидев кучку человек в 5—6, они тотчас же в нее врезываются и разбивают ее.

О демонстрации в Двинске нам сообщают такие подробности: вечером 15-го по городу были расклеены, разбросаны по лавкам, улицам, фабрикам и мастерским прокламации: русская общепартийная (изд. «Южн. Раб.»), в количестве 150 экз., и еврейские: 1) общая от «Евр. Раб. Союза»; 2) от организации приказчиков и 3) от местного комитета, всего до 2.000 экз. 18 апреля (1 мая) с пяти часов утра вся полиция была на ногах, по городу ходили патрули солдат. Во всех мастерских и на фабриках (спичечной—около 1.000 чел.—и двух фабриках венской мебели и др.) еврейские рабочие или вовсе не работали с утра, или бросали работу в обед; не работало также много христиан. Утром полиция забрала до 40 рабочих на бирже и отправила их в тюрьму. Обыватели ожидали «бунта». Часов в пять вечера появились на улицах толпы рабочих, сопровождаемые тысячной публикой. Они направились на «Невский проспект», где им, однако, не удалось соединиться, так как солдаты деятельно разгоняли их, при чем досталось и посторонним. Рассеяв рабочих и забрав 170 человек, из которых добрую треть составляли любопытные, солдаты расположились на площади, сложив ружья в козлы. Очевидно, предполагали, что все уже кончено. Между тем, рабочие стали собираться на другой из главных улиц — Рижской, а потом с пением «Марсельезы» и с красным знаменем двинулись по ней. Их было около 700 чел. Любопытных было еще более. Беспрепятственно прошли они всю Рижскую улицу, свернули на Мясницкую и, пройдя ее всю, вернулись назад, и только когда на Рижской появились конные артиллеристы и солдаты, они понемногу рассеялись.

Из 170 взятых выпущены все, кроме 40, которые подвергнуты тюремному заключению на срок от одного до трех месяцев, повидимому, в административном порядке.

17 апреля полицмейстер обратился к военным властям с просьбой, чтобы 18-го весь день при госпитале дежурил врач на случай столкновения войск с рабочими.

Из Вильны о демонстрации нам пишет очевидец: На 14 (27-ое) апреля Виленским Комитетом была назначена демонстрация в 8 час. вечера в Пушкинском сквере, в конце Большой улицы. Начиная с 7 час., стали стекаться в назначенное место толпы участников. Но, так как по вечерам, особенно субботним, в этом саду гуляет масса публики, — буржуазной и «плебейской», — то долгое время демонстранты не обращали на себя особенного внимания. Неизвестно, была ли предупреждена полиция,—особых с ее стороны приготовлений не было, хотя, вопреки обыкновению по саду расхаживали двое городовых, двое околоточных, а среди гуляющих был и полицмейстер. Число участников трудно определить, так как в сплошную массу они ни разу не столпились; во всяком случае, было несколько сот человек, безусловно больше пятисот, но меньше тысячи. Многие из демонстрантов носили красные галстухи, рубахи, блузы, юбки и проч. Часам к восьми, когда демонстранты стали ходить взад и вперед довольно большими группами, публика, — между прочим, численно превосходившая демонстрантов,—заметила, в чем дело; стали раздаваться тревожные возгласы: «Да, ведь, сегодня 1 мая». — «Нет, ведь, 1 мая „они“ празднуют 19-го».— «Ну, а значит, в этом году им приказали раньше, у них ведь тоже начальство есть». — «Смотрите, вот „союзные“ пошли, в красном». — «Это, должно быть, репетиция». — «Вот сволочи (слова одного офицера), они нам хотят показать свой протест: вы вот ничего не делаете, да в роскошных нарядах приходите сюда гулять и веселиться, — так мы расстроим ваше веселье, покажем, что мы тоже хотим жить получше и бороться, пока не победим». Это и много другого интересного я слыхал, все время находясь среди буржуазной публики и прислушиваясь к разговорам. — Ровно в 8 час. часть демонстрантов сгустилась около дома ген.-губернатора и стала кричать «ура»; сейчас же туда устремилась полиция и хотела отрезать эту часть демонстрантов от остальных и от публики. Но так как полиции было очень мало, это ей не удалось, демонстранты прорезались и направились к выходу из сада на Большую улицу, по которой и двинулись с криками «ура». Публикой овладела паника, в одну минуту сад опустел, у выходов из сада началась невозможная давка; выбравшиеся из сада останавливались у ограды и смотрели, что будет. По саду со всех ног бежали десятки демонстрантов, чтобы присоединиться к их массе, за ними городовые, свистевшие на весь город. Сбежалось с соседних улиц несколько городовых, стали бить первых по-

павшихся и оттаскивать от толпы, после чего в сопровождении дворников отправляли в участок. Демонстранты не только безучастно к этому относились, но когда прибежало еще несколько городовых и 3—5 жандармов (пеших), они, прокричав еще несколько раз «ура», стали быстро скрываться в соседние улицы и подворотни или же сходили на тротуар и смешивались с публикой. Таким образом, в 8¼ демонстранты рассеялись, пройдя саж. 100 до Благовещенской улицы. Из толпы было выхвачено до 20 чел.; арестовано также двое студентов, которые, встретив городового и дворника, ведущих в участок какого-то рабочего, пытались отбить его. В 8½ час. на Большой улице появился один казак, разгонявший публику, и по улице стал ходить взад и вперед отряд солдат (человек 50), без оружия и офицеров.

На другой и следующие дни по Большой и другим улицам раз'езжали казаки, у недостаточно элегантно одетых евреев городовые отбирают палки, которые десятками отправляют в полицию. Повидимому, власти ждут повторения демонстрации 18 апреля. Весь город говорит о происшедшем. После демонстрации были распространены (но не расклеены) прокламации Бунда: две — на еврейском языке, к рабочим и приказчикам, и одна — на русском.

Демонстрация вообще вышла неудачная. При лучшем руководстве она могла бы продолжаться гораздо дольше, успели бы спеть песни и проч., потому что полиции почти не было, и когда к концу сбежались городовые и жандармы, то их тоже было весьма немного и действовали они без определенного плана, никем не руководимые. Видевшие прошлогоднюю демонстрацию говорят, что она была лучше — дольше продолжалась, пели песни; участников было не меньше, хотя были будни. Во время демонстрации взято всего 12 человек, из которых двоих выпустили. 18-го в очень многих мастерских не было работ, в еврейских почти во всех, у христиан — в немногих. Вечером была вечеринка рабочих.

Участвовали в этой демонстрации, главным образом, еврейские рабочие. Поляки и литовцы пытались организовать демонстрацию 18 апреля на Немецкой улице. Но уже в 7½ час. вечера на улице появился эскадрон казаков во главе с полицмейстером, которые в'езжали на тротуары и били кого попало. По Немецкой улице закрыли все магазины и дворы, чтобы нигде не было убежища. Побито много обывателей, не принимавших никакого участия в демонстрации.

Сообщают еще о демонстрациях в Ковно, Креславке (Витебской губ.) и Сморгони (Виленской губ.).

22 апреля, в воскресенье, в Тифлисе несколько сот рабочих пытались устроить демонстрацию. При нападении полиции произошла свалка, и, по словам газет, из толпы стреляли в полицию. Толпа была рассеяна, и многие арестованы, в том числе один студент и три курсистки из числа высланных из Петербурга.

Из Казани перед 18 апреля было выслано 60 чел., переписанных во время местной демонстрации 11 марта. В Самаре и Саратове войска были наготове весь день. В Саратове и Нижнем-Новгороде были неудачные попытки демонстрации.

* * *

Петербургский «Союз» распространил перед первым мая две печатные прокламации к рабочим и к «обществу» с приглашением на демонстрацию в день 22 апреля. Приводим прокламацию к «обществу»:

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Россия переживает знаменательное время. Долго накопившееся в сердцах чувство неудовлетворенности современным государственным строем вдруг прорвалось наружу и широким потоком разлилось по всем слоям русского общества. Самые «благонамеренные» люди начинают понимать, что самодержавие преследует исключительно свои узкие, личные цели, идущие прямо в разрез с счастьем, культурой и благом родины. Само самодержавие усердно и успешно работает над тем, чтобы подорвать к себе последнюю тень доверия и уважения. Правительственные сообщения, которым уже перестали верить самые наивные простаки; цвет русской молодежи, сдаваемый в солдаты; величайший писатель, гордость России, отлученный от церкви; князь Вяземский, получающий от царя строгий выговор за то, что пытался остановить противозаконность, разбойничье нападение на безоружную толпу; ужасный голод на юге России и в Сибири; беспомощность десятков тысяч рабочих, выброшенных на мостовую вследствие кризиса, и лживые утверждения, что «все благополучно»; поруганный закон, полная безгласность общества, полная неответственность царских чиновников и, как венец всего — последний циркуляр мин. внутренних дел, откровенно провозглашающий безграничное самодержавие полицейского кулака, перед которым смиренно должны преклониться все, без различия «звания и положения».

Мы, русские рабочие, горьким и долгим опытом научены, как мало до нас дела самодержавию; над нами все время занесен самодержавный кулак, и он обрушивается на наши спины, как только мы пробуем словом или делом заявить, что нам живется не сладко. Для всех слоев русского общества ближайшую, насущнейшую нужду составляет политическая свобода. В день 1 мая (18 апреля) мы ставим ее во главе наших требований и зовем под наши знамена всех, кто не хочет быть бесправным рабом. Демонстрация состоится в воскресенье 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня.

Комитет СПБ. Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса.
СПБ. Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

ОТ ГРУППЫ «ИСКРЫ».

Товарищи! Мы не назначаем пока платы за нашу газету, ибо не решаемся еще обязаться доставлять ее всем подписчикам. В настоящее время подготовляется к печати пятый номер, и мы сделаем все от нас зависящее, чтобы газета выходила более правильно и возможно более часто. Но для этого необходимы очень крупные средства, и мы просим всех, в чьи руки попадет «Искра», устраивать денежные сборы на ее поддержку. Революционное издание только тогда станет прочно, когда оно будет окупать себя, а для этого необходимо, чтобы каждый читатель оказывал, по мере своих средств, материальную помощь.

В типографии «Искры» напечатано:

1. «От редакции». Листок о задачах наших изданий.
2. «Искра» № 1, декабрь 1900 г.
3. «Майские дни в Харькове», январь 1901 г. Корреспонденция Харьковского Комитета Росс. С.-Д. Р. П., с предисловием редакции «Искры».
4. «Женщина-работница», февраль 1901 г.
5. «Искра» № 2, февраль 1901 г.
6. Первое мая. Листок Российской Соц.-Дем. Раб. Партии, изданный «Искрой».
7. Листок «Искры» (о последних событиях), апрель 1901 г.
8. «Искра» № 3, апрель 1901 г.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Статья Ленина «С чего начать?» является изложением организационного и тактического плана «Искры», впоследствии более разработанного в книге Ленина «Что делать?» Во всяком случае она послужила исходной точкой для всей дальнейшей полемики между «Рабочим Делом» и «Искрой». Это она именно заставила Кричевского усмотреть (в № 10 «Раб. Дела») основную разницу между направлением «Искры» и «Раб. Дела», заключающуюся в том, что первая делает ставку (с точки зрения Кричевского — однозную) на «тактику - план», а второе больше стоит на точке зрения «тактики-процесса». Начинается статья Ленина с полемики, направленной против «Раб. Дела», которое до такой степени было гальванизировано «бурным месяцем» студенческих волнений, что заговорило вдруг о повороте с.-демократической тактики на 180° и о штурме на самодержавие, при чем над методом террора оно задумалось, как над «новым вопросом» с очень соблазнительными перспективами... Опасность увлечения революционной интеллигенции террором была настолько велика, что против двусмысленного отношения со стороны некоторых с.-демократов к вопросу о терроре «Искра» должна была выступить с резкой отповедью *. Этому вопросу была посвящена статья Засулич в № 3 «Искры» (к сожалению, В. И. Засулич сбилась на карамазовскую этическую оценку террора — можно ли для счастья человечества пожертвовать жизнью хоть одного ребеночка; это—не искровская постановка вопроса), фельетон Мартова «Вопросы дня» в № 4 «Искры» и статья «С чего начать», где в коротких словах автором дан самый отчетливый и подлинный революционно-марксистский взгляд на вопрос о терроре.

Прим. 2. Парвус (А. А. Гельфанд) родился в России, в молодых годах эмигрировал за границу и стал играть видную роль, как один из публицистов левого крыла германской с.-демократии. Его сотрудничество в «Искре» и «Заре» считалось ценным. В 1905 г., вернувшись в Россию, он вместе с Троцким редактирует газету «Русская Жизнь». Арестованный по делу Совета Рабочих Депутатов (второго), он успел однако бежать, жил в Турции, занялся коммерцией, а в годы войны стал ярым оборонцем.

Прим. 3. Д-р Васильев—участник движения 70-х годов, эмигрировал заграницу и был деятелем швейцарской с.-демократии. После Февральской революции 17-го года примкнул к группе «Единство».

---

* Мартов писал Аксельроду по поводу «Раб. Дела» в письме от 1 мая 1901 г.: «Да! „литературное кувыркание“ женевского с.-дского „Чего изволите?“ производит свое действие: польские „пролетариатцы“, повидимому, увлеклись их кивками в сторону терроризма и — вопреки обещанию возить нашу литературу — возят литературу „Рабочего Дела“» (См. «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 28).